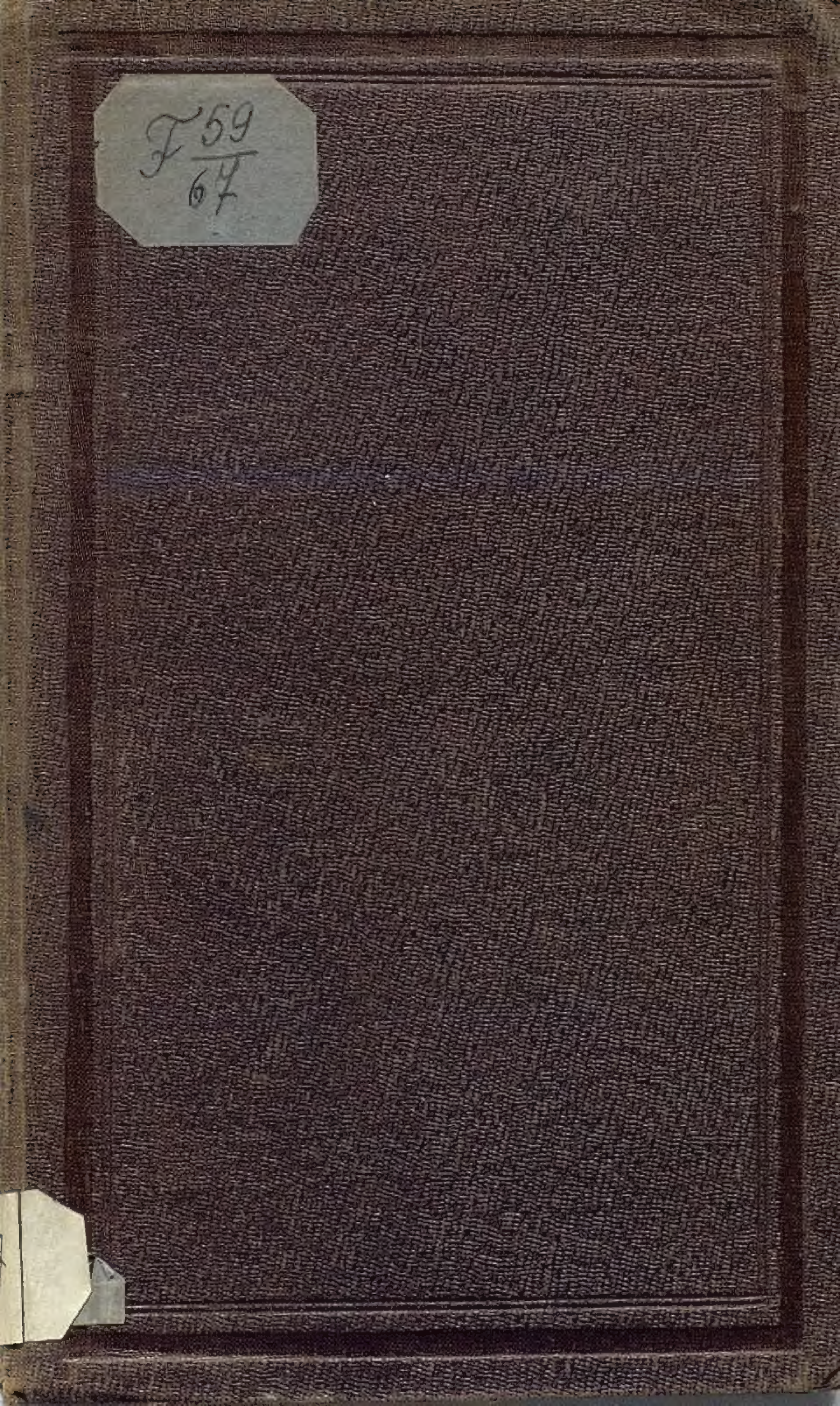

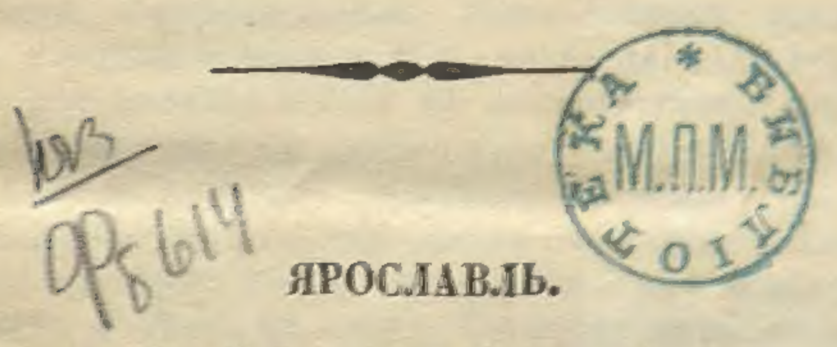
Обзоръ главнѣйшихъ постановленій Петра 1-го въ области личнаго семейнаго права.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Демидовскаго Лицея

Исправ. долж. Проф. *Никольскимъ*.

Ноября 10 дня 1857 года.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ Губернской Типографіи.

1857.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Лицея. 11 Сентября 1857 года.

Директоръ *Ляпуновъ.*

ММ. ГГ.

Я предлагаю вашему вниманію нашу русскую семейную жизнь. Какъ юристъ, я буду говорить объ ней со стороны закона, т. е. какъ она опредѣляется закономъ. Но законъ есть только внѣшнее выраженіе народнаго духа, проявленіе его разумныхъ требованій; отсюда необходимость, говоря о законномъ опредѣленіи, коснуться тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя сокрыты въ немъ. Какими же нравственными началами опредѣляется наша семейная жизнь? Вотъ вопросъ достойный глубокаго вниманія и изученія! Отвѣта на него мы должны искать въ нашемъ прошедшемъ, въ исторіи: въ ней корни нашего настоящаго быта; къ ней по этому и обратимся мы. Чуждый притязанія на рѣшеніе столь трудной задачи, счастливъ буду тѣмъ, если рѣчь моя возбудитъ въ васъ участіе къ этому близкому намъ предмету и вызоветъ вашу зрѣлую и опытную мысль на серьезное обсужденіе его.

Значеніе семейства и его вліяніе на всѣ сферы человѣческой жизни неизмѣримо велико: здѣсь залагаются въ человѣка тѣ незыблемыя начала, которыми сознательно или безсознательно руководится онъ потомъ во всей своей жизни, на всѣхъ

путяхъ своей дѣятельности. Вмѣстѣ съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ необходимые элементы, на которыхъ держится народная жизнь и безъ которыхъ онъ не можетъ жить среди того общества, гдѣ дана ему доля. Въ семействѣ впервые человѣкъ узнаетъ своего Бога и его святыя велѣнія; научается вѣровать, исповѣдывать и молиться Ему. . . Здѣсь впервые получаетъ онъ понятіе о власти и подчиненіи; здѣсь наконецъ, воспитывается въ немъ то высокое чувство любви, безъ котораго нѣтъ ни счастія, ни благоденствія на землѣ.

Это великое значеніе семейства чувствовалось и сознавалось всегда и вездѣ безъ различія времени, пространства и народности. Отсюда понятно, почему всегда и вездѣ религія и законодательство старались установить этотъ первоначальный человѣческій союзъ возможно правильнѣйшимъ образомъ, заложить въ основаніе его возможно чистыя начала и предохранить его отъ враждебныхъ вліяній, могущихъ ниспровергнуть чистоту, нравственность семейной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пошатнуть коренныя основанія народнаго быта и благоденствія.

Не смотря однако на эти стремленія, не всегда религіи и законодательству удается достигнуть своихъ высокихъ цѣлей. Народная жизнь, ея нравы и обычаи почти всегда отстаютъ отъ чистыхъ требованій нравственнаго закона. И понятно почему: во 1-хъ потому, что исполненіе всегда ниже требованія, какъ идеалъ и его осуществленіе и во 2-хъ потому, что государственная власть, на которую опирается церковь, не можетъ непосредственно дѣйствовать на человѣка въ его укромной домашней жизни, гдѣ единственный руководитель – совѣсть.

Тѣмъ не менѣе разладъ между нравственнымъ закономъ (охранителями котораго по отношенію къ семейной жизни являются религія и государство) и народною жизнію не во всѣ періоды историческаго развитія этой послѣдней бываетъ одинаковъ. И здѣсь, въ сферѣ семейнаго быта, органическій законъ исторіи неизмѣненъ: какъ все въ ней, такъ и семейная жизнь подлежатъ постепенному возрастанію, очищенію и совершенствованію. Вмѣстѣ съ блаженнымъ Августиномъ, мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что правда божія все болѣе и болѣе святится на землѣ. Но не всѣ эпохи исторіи одинаково послужили водворенію этой правды: человѣчество въ своемъ земномъ бытіи идетъ къ познанію истины и осуществленію правды божіей не одними прямыми путями, но также заблужденіями и ошибками. Эту общую судьбу въ исторіи раздѣляетъ и семейный бытъ; этому же общему закону подлежитъ и наша семейная жизнь. И на ея историческомъ развитіи мы замѣчаемъ то свѣтлыя, то темныя пятна. Нравственно наслаждаясь первыми, мы не можемъ и не должны невидать послѣднихъ: отъ сознанія ложнаго человѣкъ идетъ къ истинному, покрайней мѣрѣ старается избавиться отъ своихъ заблужденій.

Въ настоящую бесѣду, мм. гг., я обращу ваше вниманіе на одну изъ важнѣйшихъ эпохъ нашей семейной жизни—на законодательство Петра 1-го, который и здѣсь, какъ во всемъ, является великимъ преобразователемъ. Вполнѣ понявъ несостоятельность нашего древняго быта и начавъ повсемѣстную перестройку государственнаго зданія, онъ пришелъ къ необходимости коснуться и нашего внутренняго быта въ самыхъ сокровенныхъ его родникахъ. Для его геніальнаго

взгляда не осталось сокрытымъ, что страшныя язвы, которыя поражали нашу государственную жизнь, имѣли глубокіе внутренніе корни; что по этому никакое государственное устройство не спасетъ народа отъ конечной, можетъ быть, преждевременной гибели, если самыя внутреннія основы народной жизни: ея нравы, обычаи, вѣрованія, стремленія и т. д. не будутъ соотвѣтствовать высшимъ нравственнымъ цѣлямъ. И онъ, великій какъ народъ, котораго царемъ былъ, не остановился и предъ этимъ величайшимъ изъ государственныхъ подвиговъ—преобразовать, поставить на новыхъ началахъ народную жизнь. Господь наградилъ его и умомъ геніальнымъ, и несокрушимою волею, и тою глубокою, горячею любовію къ своему народу, предъ которой нѣтъ ни страха, ни опасности, ни жертвъ. Кому неизвѣстны, мм. гг., самоотреченіе этаго великаго человѣка, его полное отданіе себя на вольный, тяжкій, постоянный царственный трудъ для блага своего народа, для славы и могущества создаваемаго имъ государства. Его стремленія, велѣнія и заповѣди да будутъ навсегда священны для потомства, какъ путеводная звѣзда на пути нашего историческаго странствованія, какъ указаніе и залогъ нашего будущаго могущества и благоденствія.

Ясно сознавая свое настоящее, проникая въ даль грядущаго, зная свой народъ, онъ не ошибся и въ средствахъ для совершенія своего великаго подвига—внутренней реформы нравовъ, обычаевъ и семейной жизни. Два явленія поразили его въ тогдашнемъ бытѣ Русскаго народа: *невѣжество*, какъ общій, страшный источникъ всевозможныхъ несчастій и бѣдствій народныхъ и проистекающія изъ него *грубость нравовъ*, поро-

дившая неестественную семейную жизнь, убивавшую всякое свободное движеніе и развитіе гражданской личности — этаго перваго условія всяваго гражданскаго, общественнаго преуспѣянія. *Освободить* эту *личность* изъ подъ гнета грубости народныхъ нравовъ и азіатско-языческихъ наростовъ, *дать ей* насущное *право свободнаго избранія жизни* семейной, общественной и государственной, избавивши ее отъ убивающей семейной зависимости; *измѣнить, пересоздать* грубое, невѣжественное *существо ея* свѣтомъ науки и знанія и наконецъ, очищенную отъ національныхъ предразсудковъ и просвѣщенную, *ввести её въ область государственную,* единственно *по нравственному ея достоинству,* какъ требуетъ того вѣчный законъ правды и справедливости — вотъ тѣ великія задачи, которыя были цѣлію неутомимыхъ стремленій, трудовъ и кровавыхъ подвиговъ Петра Великаго въ дѣлѣ внутренней реформы. Совершилась ли эта великая реформа, какъ поняли ее современники, какъ приняли потомки? — Это вопросъ другой, объ немъ произнесетъ свой судъ позднѣйшая исторія. . Мы говоримъ только о тѣхъ великихъ *цѣляхъ* и стремленіяхъ, которыя руководили этою ревнующею къ народному благу душею, о тѣхъ благихъ *начинаніяхъ*, которыя онъ предпринялъ и думалъ совершить, о тѣхъ *началахъ*, которыя желалъ заложить въ основаніе государственной и частной нашей жизни.

Для осуществленія своихъ предначертаній въ дѣлѣ внутренней реформы Петръ принялъ слѣдующія естественныя мѣры:

1) Невѣжеству противопоставилъ просвѣщеніе, науку. Противъ этаго внутренняго врага русскаго народа Петръ вооружился всѣми силами своей ве-

ликой души. Начавши съ образованія самаго себя, онъ стремился разлить свѣтъ науки на всю народную массу и шелъ по этому пути чрезъ всѣ преграды, поставляемыя упорнымъ невѣжествомъ. Непокорная, грубая среда неподдавалась; нужны были сильныя средства и они приняты. Знаніе грамоты и геометріи онъ сдѣлалъ необходимымъ условіемъ полной правоспособности покрайней мѣрѣ для дворянства. Безъ этаго условія нельзя было ни служить, ни даже жениться! Но и этаго было мало: нужно было учить силою и вотъ по царскому указу везутъ, какъ рекрутъ, молодыхъ дворянъ за границу въ науку, несмотря на стоны и слезы дикаго невѣжества. Но мы не будемъ долго останавливаться на дѣятельности Петра относительно народнаго просвѣщенія, имѣя для нашей бесѣды другой предметъ. Какъ дѣйствовалъ Великій въ этомъ отношеніи вамъ извѣстно, мм. гг. по преданію и едвали найдется кто нибудь изъ насъ, въ комъ бы не было убѣжденія, что Петръ любилъ просвѣщеніе, уважалъ науку, видѣлъ въ образованіи государственную насущную потребность, всю жизнь свою стремился развить ее и удовлетворить ей по мѣрѣ силъ и возможности, ибо глубоко понималъ, что въ развитіи и удовлетвореніи этой потребности лежитъ вся будущность, вся судьба великаго народа.

2) Не будемъ также распространяться и о томъ, что, обновляя наше государственное устройство посредствомъ новыхъ учрежденій, во внутреннемъ отношеніи, онъ хотѣлъ основать его на личномъ умственномъ и нравственномъ достоинствѣ гражданина на перекоръ невѣжественному боярству того времени и его родовымъ притязаніямъ, которыя еще не умерли и послѣ уничтоженія мѣстничества. Во всемъ великомъ

его законодательствѣ повсюду слышится одинъ мотивъ, одно задушевное желаніе: предпринимать, судить и вершить, «не взирая ни на какія обстоятельства дѣлъ и персонъ, всегда отдавая предпочтеніе знатному передъ незнатнымъ (т. е. людямъ извѣстной честности предъ людьми сомнительными), ученому предъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ». Знаменитая табель о рангахъ начертала цѣлую лѣствицу государственной чести единственно на основаніи личныхъ заслугъ государству. Рожденіе, богатство и другія случайныя обстоятельства, часто выдвигающія впередъ людей бездарныхъ, невѣжественныхъ, ничего не значили предъ праведными вѣсами его царственной мудрости. Незнатный дѣлался знатнымъ, бѣдный богатымъ—и все это единственно на основаніи даровъ божіихъ, данныхъ человѣку, за трудъ, усердіе и пользу, принесенные имъ отечеству. Преслѣдуя непотизмъ и ненавидя родовыя притязанія на государственный почетъ и предпочтеніе, онъ глубоко сочувствовалъ Іоанну Грозному, который, какъ извѣстно, не былъ чуждъ петровскихъ началъ въ своей государственной дѣятельности.

3) Ту же задачу—освобожденія гражданской личности, дарованія ей насущныхъ правъ, безъ которыхъ она мертва и косна при всемъ богатствѣ своего природнаго содержанія, при всей ея даровитости, выполнялъ Петръ и по отношенію къ семейному быту, который мы взяли предметомъ нашего разсмотрѣнія. Но чтобы яснѣе видѣть, что сдѣлалъ Петръ для русскаго человѣка въ семейномъ отношеніи, для этого намъ необходимо сдѣлать краткій обзоръ состоянія нашего семейнаго быта до Петра. Я не поведу, однако, васъ, мм. гг., въ сѣдую древность;

это было бы слишкомъ далеко, да и безполезно для нашей цѣли. Не вдаваясь въ историческія изслѣдованія, мы соберемъ только общія черты нашей допетровской семейной жизни, какъ она представлена намъ современными ей писателями. Этого будетъ достаточно, чтобы, если не оцѣнить вполнѣ, то по крайней мѣрѣ почувствовать значеніе законодательныхъ постановленій Петра Великаго и ихъ благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей семейной жизни.

Вотъ картина частной жизни нашихъ предковъ въ періодъ непосредственно предшествовавшій Петру. Она написана подъячимъ Посольскаго Приказа Григоріемъ Котошихинымъ въ 1666—67 годахъ, слѣдовательно самомъ русскимъ, жившимъ этою жизнію, знавшимъ ее въ мелчайшихъ подробностяхъ и имѣвшимъ несчастіе бѣжать изъ своего отечества. (*) Это послѣднее обстоятель-

(*) Котошихинъ служилъ подъячимъ въ Посольскомъ Приказѣ и неоднократно былъ употребляемъ для письмоводства при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными Дворами. Въ продолженіе Польской войны (1654—1667) онъ состоялъ при главныхъ военачальникахъ Князьяхъ Черкасскомъ и Прозоровскомъ, отъ которыхъ отправленъ на Посольскій съѣздъ подъ Смоленскъ, гдѣ производились тогда мирные переговоры съ Польшею. Новый воевода Князь Долгорукій, смѣнившій Князей Черкаскаго и Прозоровскаго, требовалъ отъ него, какъ показываетъ Котошихинъ, чтобы онъ подалъ доносъ на прежнихъ воеводъ, будто бы они, уклонясь отъ битвы и. выпустивъ изъ рукъ своихъ Польскаго Короля, нетолько потеряли случай нанесть рѣшительный ударъ Полякамъ, но и дали имъ возможность оправиться и остановить дальнѣйшіе успѣхи Русскихъ. Не желая служить орудіемъ клеветы, Котошихинъ отвергнулъ предложеніе Князя Долгорукаго. Между тѣмъ страшась его мщенія, и несмѣя уже возвратиться изъ подъ Смоленска въ русскій станъ, онъ рѣшался навсегда покинуть отечество, тѣмъ болѣе, что домъ и имущество его были отобраны въ казну за растрату монастырскихъ доходовъ, произведенную его отцомъ, который состоялъ келаремъ въ одномъ изъ Московскихъ монастырей. Котошихинъ удалился сперва въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи и наконецъ, получивъ дозволеніе на свободное пребываніе въ Швеціи, поселился въ Стокгольмѣ, гдѣ по требованію Государственнаго Канцлера Графа

ство могло бы заподозрить разкащика въ истинѣ его словъ, онъ могъ ожесточиться противъ своей родины, могъ наложить на нее небывалое пятно, набросить недобрую тѣнь, если бы справедливость его разсказа не подтверждалась другими достовѣрными свидѣтельствами. Писатели иностранные, посѣщавшіе Россію, равно и отечественные источники, вполнѣ оправдываютъ сказаніе Котошихина, какъ увидимъ ниже; а при разсмотрѣніи семейственныхъ законоположеній Петра, мы въ нихъ самихъ найдемъ не одно подтвержденіе правдивости показаній этаго свидѣтеля нашей старины. Итакъ, не имѣя основанія и права заподозрѣвать достовѣрности разсказа Котошихина, прочтемъ здѣсь всю XIII главу изъ его описанія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приведемъ и другія свидѣтельства, подтверждающія его слова.

О частномъ и преимущественно семейномъ бытѣ нашихъ предковъ 17 столѣтія Котошихинъ разсказываетъ такъ:

1.) Бояре и ближніе люди живутъ въ домахъ своихъ, деревянныхъ и каменныхъ, безъ большаго удобства (устроенія) и заботливости (призрѣнія), особыми покоями отъ женъ и дѣтей. У не многихъ большихъ бояръ есть при домахъ свои церкви; а у которыхъ своихъ церквей нѣтъ, тѣ держатъ домовыхъ священниковъ, отправляютъ въ

Магнуса Делагарди окончилъ свое сочиненіе «о Россіи».—Несмотря на то, что онъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе и умеръ преступникомъ, публично казненнымъ за убійство въ нетрезвомъ видѣ, онъ пріобрѣлъ не только значительную извѣстность въ Стокгольмѣ, но даже снискалъ дружбу нѣкоторыхъ знаменитыхъ современниковъ. Его знали Гербиній и Рудбекъ.—См. о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Совр. соч. Григорія Котошихина. С. Петербургъ 1840 г.

своихъ хоромахъ заутреню, часы, молебенъ и вечерню, а у обѣдни бываютъ въ приходскихъ церквахъ, гдѣ кто пожелаетъ; въ домахъ же у нихъ обѣдни не бываетъ. Жалованье священникамъ они даютъ по договору, ежегодно: женатымъ помѣсячный кормъ, ѣствы и питье, а вдовые священники имѣютъ столъ вмѣстѣ съ боярами.

2.) Въ господскіе праздники или иные нарочитые, именинные, родильные и крестильные дни они часто пиршествуютъ другъ у друга.

Кушанья, приготовленныя по обычаю попросту безъ ягодъ, сахару, перцу, инбирю и другихъ приправъ, малосольны и безуксусны. На столъ подаютъ по одному блюду; другія же блюда люди приносятъ изъ поваренъ и держатъ на рукахъ. Въ тѣ кушанья, въ которыхъ мало уксусу, соли или перцу, они прибавляютъ за столомъ; яствъ же бываетъ по 50 и по 100.

Обычай гостепріимства у русскихъ таковъ: предъ обѣдомъ они приказываютъ своимъ женамъ выходить къ гостямъ ударить имъ челомъ. (*) Когда жены придутъ къ гостямъ и станутъ въ палатѣ или избѣ на большомъ мѣстѣ, гдѣ приготовленъ столъ, а гости станутъ у дверей, тогда жены кланяются гостямъ малымъ обычаемъ (въ поясъ), а гости кланяются женамъ всѣ въ землю. Потомъ хозяинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю, чтобы они цѣловали его жену, но прежде, по просьбѣ гостей, цѣлуетъ ее самъ; затѣмъ гости одинъ за другимъ кланяются женѣ въ землю, цѣлуютъ ее и, отошедши,

---

(*) Ино то не женское дѣло, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть; да и не стать женѣ въ слухъ при людяхъ своимъ умомъ наказывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ безъ людей, съ очи на очи. Сказаніе русскаго народа, Сахарова т. 2 стр. 114.

опять кланяются въ землю; жена же кланяется гостямъ въ поясъ. Послѣ этого хозяйка дома начинаетъ подносить гостямъ по чаркѣ двойной и тройной настойки, а чарка величиною въ четвертую долю квартаря или немного больше; хозяинъ же проситъ и кланяется въ землю всѣмъ гостямъ сколько бы ихъ ни было, каждому по поклону, чтобы они изволили у жены его пить вино. Но опять по просьбѣ гостей хозяинъ приказываетъ пить напередъ женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и затѣмъ уже жена подноситъ гостямъ, которые предъ питьемъ вина и послѣ, отдавши назадъ чарку, кланяются ей въ землю. Кто не пьетъ вина, тому вмѣсто него подаютъ кубокъ романеи, ренскаго или инаго питья. Послѣ угощенія виномъ жена господина дома, поклонившись гостямъ, отправляется въ свои покои къ боярынямъ женамъ своихъ гостей. *Женщины вмѣстѣ съ мущинами, кромѣ свадебъ, никогда не обѣдаютъ; развѣ когда гостятъ близкіе родственники безъ постороннихъ людей.* Такимъ же образомъ и за обѣдомъ, послѣ каждаго блюда, хозяинъ и гости пьютъ по чаркѣ вина, а также романею, ренское, пива поддѣльныя и простыя, разные меды. Во время обѣда, предъ подачею на столъ круглыхъ пироговъ, выходятъ къ гостямъ жены сыновей хозяина, замужнія дочери и жены родственниковъ; гости, вставъ и вышедши изъ-за стола къ дверямъ, кланяются имъ, а мужья ихъ въ свою очередь кланяются и бьютъ челомъ гостямъ, чтобы они цѣловали ихъ женъ и пили у нихъ вино. Поцѣловавши женъ и выпивши у нихъ вино, гости опять садятся за столъ, а жены идутъ къ себѣ, на свою половину. *Дочерей дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и никому не показываютъ; и живутъ онѣ въ особыхъ дальнихъ покояхъ.* Послѣ стола

хозяинъ и гости веселятся такимъ же образомъ, пьютъ здоровье другъ—друга и наконецъ разъѣзжаются по домамъ. *Точно также и боярыни обѣдаютъ и пьютъ въ своемъ кружкѣ по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; мужескаго же полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, не бываетъ у нихъ никого.* (*)

(*) Мужчины, говоритъ Маскѣвичь, не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь (домовую) не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится боярынѣ въ торжественный праздникъ отправляться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыя дверцы, съ окнами изъ прозрачныхъ, какъ стекло, камней (изъ слюды), или изъ бычачьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго, ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ оной... Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома и хотя есть въ нихъ входъ со двора по лѣстницѣ, но ключь отъ онаго хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскую половину можно пройти только чрезъ его комнату. Изъ мущинъ не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же за комнатами женскими обгораживается такимъ высокимъ полисадомъ (тыномъ), что развѣ птица перелетитъ черезъ оный. Въ этомъ мѣстѣ женщины прогуливаются.—Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. V ст. 62, «А гости, коли случится, наставляетъ «Домострой» хозяйку дома, и ихъ подчивати питіемъ, какъ пригоже: а самой пьянаго питія, хмѣльнаго не пити. А питіе и ѣству и всякой обиходъ приноситъ (женщинамъ) одинъ человѣкъ сверстный (довѣренный), кому приказано, а мужескъ полъ туто, и рано и поздно, отнюдь, ни какоже, ни какими дѣлы не былъ бы; кромѣ того, кому приказано сверстному человѣку, что привести или о чемь спроситься, или о чемъ ему приказали... а иному никому туда дѣла нѣтъ».—Состояніе (русскихъ) женщинъ самое плачевное, пишетъ Герберштейнъ; ибо ни одной непочитаютъ честною, если не живетъ дома взаперти. и не охраняется такъ, чтобы никуда не выходила.

Желающихъ ближе познакомиться съ значеніемъ нашей женщины, съ ея семейнымъ и общественнымъ положеніемъ въ древней Руси, мы отсылаемъ къ превосходнымъ и въ высшей степени исторически—вѣрнымъ сочиненіямъ: «г. Кавелина «О юридическомъ бытѣ древней Россіи», Современникъ 1847 года № 1, «его же разборъ книги г. Терещенко «Бытъ русскаго народа», тамъ же 1848 года; г. Буслаева «Повѣсть о горѣ и злочастіи» въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. Іюль· книжки первая и вторая; въ особенности же г. Забѣлина «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ», тамъ же, 1857 г. Май: книжка первая.

3) *Если случится боярину или ближнему человѣку самому жениться или женить своего сына, брата, племянника или отдать замужъ дочь, сестру, племянницу, то они* (т. е. родственники) *межъ себя, свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу ея, или матери, или къ брату, говорить друзей своихъ мужескъ полъ* или *женской*, что такой-то человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорить и спросить: не желаютъ ли они отдать свою дочь или иного кого выдать замужъ за него самаго, или за иного кого, и что будетъ за этой дѣвицей приданаго платьемъ, деньгами, вотчинами и дворовыми людьми? Если *отецъ невѣсты* желаетъ ее выдать замужъ, то *отвѣчаетъ, что* онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только *подумаетъ* о *томъ съ женою и сродичами*, и, подумавши, дастъ отповѣдь, котораго дни мочно. Если же отецъ семейства, зная что женихъ пьяница, или шаленый, или что за нимъ водится иной какой нибудь дурной обычай, отдать за него своей невѣсты не пожелаетъ, то онъ присланнымъ сватамъ отвѣтитъ, что ему своей невѣсты нельзя отдать за такого человѣка или чѣмъ нибудь отговорится и откажетъ.

Когда же задумаетъ отдать и жена и сродичи приговорятъ, то, изготовя роспись—сколько за своею дѣвицею даетъ приданаго—денегъ, серебряной и иной посуды, платья, вотчинъ, дворовыхъ людей, посылаетъ къ тѣмъ людямъ, которые приходили къ нему отъ жениха, а эти послѣдніе передаютъ роспись жениху. *Дочери же, или кому бы то ни было невѣстѣ* о *томъ нескажутъ, такъ что она ничего не знатъ до своего замужства. Если по приданому невѣста жениху полюбится*, то онъ посылаетъ тѣхъ же людей сказать невѣстину отцу или матери, чтобы они

показали ему невѣсту. На это отецъ или мать невѣсты отвѣчаютъ, что они *дочь свою показать рады, но только не самому жениху*, а отцу его, матери, сестрѣ или родственной ему женщинѣ, кому женихъ довѣритъ. Получивши эту вѣсть, женихъ посылаетъ въ условный день смотрѣть невѣсту мать свою или сестру; а между тѣмъ отецъ и мать невѣсты готовятся къ тому дню: зовутъ гостей изъ родственниковъ, наряжаютъ невѣсту въ доброе платье и садятъ ее за столъ. Когда смотрильщица придетъ, то, воздавъ ей честь, садятъ ее за столъ подлѣ невѣсты и здѣсь-то, сидячи за столомъ, за обѣдомъ, она переговариваетъ съ невѣстой о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи ея разумъ и рѣчи, всматривается въ лицо, очи, примѣты невѣсты, чтобы сказать потомъ жениху какова она. Пробывши малое или многое время, она ѣдетъ къ жениху. Если смотрильщицѣ невѣста не полюбится—замѣтитъ, что невѣста глупа, или на лицо дурна, или на очи недобра, или хрома, безъязычна—то она говоритъ жениху, чтобы онъ больше къ ней не сватался, и женихъ отстаетъ отъ невѣсты прочь, и больше свататься не станетъ. Если же невѣста понравилась смотрильщицѣ, то она скажетъ жениху, что его суженая добра и разумна, и рѣчью и всѣмъ исполнена. Женихъ опять посылаетъ тѣхъ же людей сказать невѣстнымъ родителямъ, что онъ излюбилъ ихъ невѣсту и что *хочетъ съ ними сдѣлать сговоръ и написать записи о томъ, что ему жениться, а имъ выдать за него свою невѣсту въ установленный срокъ*. Отецъ и мать невѣсты приказываютъ съ присланными людьми сказать жениху, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ для сговора съ немногими довѣренными лицами въ назначенный день, до обѣда или послѣ обѣда,

а сами готовятся къ этому дню. Женихъ, дождавшись условнаго дня, собирается съ отцомъ своимъ, или сродичами, или друзьями, кого любитъ, и ѣдетъ къ невѣстину отцу или матери. *При пріѣздѣ его встрѣчаютъ и воздаютъ, какъ слѣдуетъ, честь* отецъ невѣсты и ея родственники; потомъ идутъ въ хоромы и *садятся по чину.* Посидѣвши, отецъ или иной родственникъ начинаетъ говорить отъ имени жениха, что они пріѣхали къ нимъ по его приказу для добраго дѣла; хозяинъ же дома отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. *Затѣмъ они начинаютъ уговариваться между собою* о *всякихъ свадебныхъ статьяхъ и назначаютъ срокъ свадьбѣ, какъ кому изъ нихъ можно* къ извѣстному времени изготовиться—чрезъ недѣлю, мѣсяцъ, полгода или чрезъ годъ и больше. Условившись такимъ образомъ, они *пишутъ въ записяхъ имена свои, третьихъ* (свидѣтелей) *и невѣстино и установятъ: жениху по сговору взять невѣсту на прямой установленный срокъ безъ премѣненія, а отцу невѣсты выдать ее за него на тотъ же срокъ безъ премѣненія. Въ обезпеченіе же этого условія они назначаютъ въ томъ письмѣ зарядъ* (неустойку), *что если женихъ въ установленный срокъ означенной дѣвицы не возметъ, или же отецъ своей невѣсты на срокъ не выдастъ, то взять на виноватомъ 1000, 5000 или 10,000 рублей денегъ, сколько будетъ написано въ записи.* Посидѣвши такимъ образомъ въ гостяхъ у отца невѣсты, покушавши и попивши, они поѣдутъ къ себѣ; *невѣсты же женихъ не увидитъ, ни она его,* а дарить жениха въ это время ширинкою выходитъ отъ невѣсты мать, сестра замужняя или какая нибудь родственница.

4) Если послѣ такого сговору женихъ провѣ-

даетъ что нибудь про свою невѣсту, или если со стороны кто нибудь, желая эту же невѣсту взять за себя или сына своего, нарочно жениху наговоритъ (разобьетъ), что она въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глуха, или нѣма, увѣчна, или наконецъ, если вообще узнаютъ, услышатъ про нее что нибудь худое, такъ что женихъ сговоренной невѣсты за себя не возметъ, то въ такомъ случаѣ отецъ ея и мать *бьютъ челомъ Патріарху на жениха въ томъ, что онъ по сговору своему и по заряду невѣсты своей на срокъ не взялъ, взять не хочетъ и что онъ тѣмъ ее безчеститъ.* Или на оборотъ, если отецъ и мать невѣсты узнаютъ о женихѣ, что онъ пьяница, или зерньщикъ, или уродливъ, или свѣдавъ про него что нибудь худое, невѣсты своей за него не выдадутъ и выдать не пожелаютъ, то съ своей стороны женихъ бьетъ челомъ о томъ же Патріарху. *Вслѣдствіе такой жалобы Патріархъ приказываетъ разобрать дѣло*; по сыску же и по рядным записямъ на виноватомъ берутъ зарядъ, сколько его было написано въ записи, и отдаютъ его правому жениху или невѣстѣ. Послѣ этого женихъ можетъ жениться на комъ хочетъ; равнымъ образомъ и невѣсту можно выдать за кого угодно.

5) *Если же договоръ будетъ исполненъ съ обѣихъ сторонъ* и къ свальбѣ приготовятся къ установленному сроку, то женихъ созываетъ къ себѣ на свадьбу родственниковъ и чужихъ людей (съ кѣмъ друженъ); изъ нихъ выбираются *чиновные люди и сидячіе бояре и боярыни*, какъ въ царской свадьбѣ. (*) Такимъ же образомъ и у невѣ-

(*) «А бываютъ свадебные чиновные люди таковы; въ царскую тророну первой чинъ—*отецъ, мать*, сидячіе, которые бываютъ за спаскаго отца и мать; второй чинъ—поѣзжаня, протопопъ съ

сты созываются гости. Въ день свадьбы, когда приготовятъ у жениха и у невѣсты столы и повѣстятъ, что жениху пора ѣхать за невѣстой; поѣздъ отправляется по чину: коровайники несутъ хлѣбъ на носилкахъ впереди; потомъ ѣдутъ лѣтомъ на лошадяхъ верхами, а зимою въ саняхъ попъ съ крестомъ, затѣмъ бояре, тысяцкій и женихъ. Пріѣхавши на дворъ къ невѣстѣ, *они идутъ по чину* въ хоромы; ихъ встрѣчаютъ съ честію отецъ невѣсты съ гостями, какъ въ царской свадьбѣ. *Когда настаетъ время ѣхать къ вѣнчанію*, то дружки просятъ родителей невѣсты благословить новобрачнаго и новобрачную къ вѣнцу; эти напутствуютъ ихъ сперва словомъ; потомъ при отпускѣ благословляютъ образами и наконецъ, *взявъ дочь свою за руку, отдаютъ жениху въ руки.* Послѣ этого весь свадебный чинъ, священникъ и женихъ, взявъ невѣсту за руку, идутъ изъ хоромъ вонъ; а отецъ, мать и гости провожаютъ ихъ на дворъ. Женихъ, посадя невѣсту въ колы-

---

крестомъ, тысяцкій,—и тотъ тысяцкій съ поѣзду большимъ человѣкомъ; потомъ царь; восемь человѣкъ бояръ, и тѣхъ поѣзжанъ чинъ таковъ: бываютъ съ царемъ и царицею у вѣнчанія въ церквѣ, и за столами сидятъ выше всѣхъ людей; дружка, подружіе—чинъ ихъ таковъ: на свадьбу созываютъ гостей, и въ свадьбѣ отъ тысяцкаго и отъ царя говорятъ рѣчи и разсылаются съ дарами; свахи дружковы жены—чинъ ихъ таковъ: царицу укручиваютъ и оберегаютъ, и платье надѣваютъ и снимаютъ; свѣчникъ: какъ царицу укручиваютъ передъ вѣнчаніемъ, и онъ въ то время держитъ свѣчю; коровайники, которые носятъ къ церкви и отъ церкви хлѣбъ на носилкахъ, а бываютъ тѣ носилки обиты бархатомъ золотымъ, и покрыты пеленою шитою да соболями; конюшей, съ своимъ чиномъ; третій чинъ—сидячіе бояре и боярыни, по 12 человѣкъ мужескаго полу и женскаго, которые сидятъ гостьми за столами, съ царскимъ отцомъ и съ матерью вмѣстѣ, а въ церковь съ царемъ не ходятъ; четвертый чинъ—дворецкой съ своимъ чиномъ, у поставца у ѣствы и у питья. Съ царицыну сторону первой чинъ: отецъ и мать, родные; другой чинъ сидячіе бояре и боярыни; третій чинъ дружка, свахи, дружкины жены; свѣчникъ, коровайники, противъ тогожъ обычая». Котошихинъ гл. 1 ст. 8».

магу или въ каптану, садится на лошадь или въ сани; то же дѣлаетъ весь свадебный чинъ и потомъ всѣ отправляются со двора къ той церкви, гдѣ будетъ совершаться вѣнчаніе. Отецъ невѣстинъ и гости возвращаются въ хоромы, пьютъ и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока придетъ вѣсть отъ жениха; провожаютъ же невѣсту къ вѣнцу только двѣ свахи—одна со стороны ея, а другая отъ жениха.—*Послѣ вѣнчанія* весь поѣздъ отправляется на дворъ жениха, къ отцу и матери котораго посылаютъ вѣсть, что вѣнчались въ добромъ здоровьи. При пріѣздѣ отецъ, мать и гости жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ, благословляютъ образами, подносятъ имъ хлѣбъ—соль; потомъ *всѣ садятся за столъ и начинаютъ ѣсть. Въ это время открываютъ невѣсту*».—Изъ за третей ѣствы начинался обрядъ опочиванія молодыхъ, который совершался у нашихъ предковъ съ особенною торжественностію. Обычай этотъ сохранился и до сего времени у простаго народа. Этимъ оканчивался первый день свадьбы.

6) На слѣдующее утро, продолжаетъ Котошихинъ, совершается омовеніе, послѣ котораго женихъ ѣдетъ съ дружкою созывать къ себѣ на обѣдъ гостей—своихъ и невѣстиныхъ. Пріѣхавъ къ отцу и матери невѣсты, онъ благодаритъ ихъ за то, что они дочь свою вскормили, вспоили и замужъ выдали въ цѣлости, въ добромъ здоровьи... Когда къ молодымъ соберутся гости, то новобрачная подноситъ дары свадебнымъ чиновнымъ людямъ. Предъ обѣдомъ женихъ со всѣмъ поѣздомъ ѣздитъ къ царю ударить ему челомъ. А какъ пріѣдутъ и войдутъ въ палату, то всѣ кланяются въ землю: царь же, сидя въ шапкѣ, спрашиваетъ о здоровьи жениха и невѣсты—а женихъ кланяется въ землю. Потомъ царь поздрав-

ляетъ ихъ съ сочетаніемъ законнаго брака, благословляетъ жениха и невѣсту окладными образами, даетъ жалованье, по сороку соболей, да на платье по портищу бархату, отласу, объяри золотой, камки и тафты простой, да по сосуду серебреному вѣсомъ фунта по полтора и по два. Тысяцкому, жениху и свадебному чину царь подаетъ питья по кубку романеи, потомъ по ковшу вишневаго меду и отпускаетъ ихъ къ себѣ домой. Возвратившись домой, женихъ и всѣ гости начинаютъ ѣсть—пить, а послѣ стола отецъ, мать и гости благословляютъ жениха съ невѣстой образами, дарятъ ихъ, кто чѣмъ можетъ и разъѣзжаются по домамъ. (*) Невѣста сама у царя не бываетъ; а въ то время, какъ женихъ ѣздитъ къ царю, она посылаетъ отъ себя царицѣ и царевнамъ дары—тафтяныя убрусы, шитыя золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ. Принявши эти дары, царица и царевны посылаютъ отъ себя спрашивать невѣсту о здоровьѣ.

На третій день молодые бываютъ со всѣми своими гостями на обѣдѣ у невѣстина отца и матери. Послѣ обѣда невѣстинъ отецъ, мать и гости такимъ же образомъ дарятъ жениха и невѣсту, пьютъ, ѣдятъ и потомъ разъѣзжаются по до-

---

(*) «Молодому князю со княгиней (новобрачнымъ) подобаетъ вопрошати старыхъ людей: какъ и что въ добрыхъ людяхъ ведется, кого, какъ чествовати и про какой случай? Всему тому есть обычай испоконъ вѣка; да и дѣлото неписаное, а уложено старыми людьми недаромъ, и должно вершиться безъ всякой порухи, чтобы не было на смѣхъ и позоръ. Буде молодой князь и его княгиня похотятъ справлять свадебный отводъ (свадебный столъ, послѣ вѣнчанія) прежде всего сыскать зватаго, человѣка стараго, который бы смыслилъ свое дѣло, зналъ какъ и кого позывать по старому обычаю. Молодому князю просить зватаго позывать дорогихъ гостей: туто вымолвить прежде всего тестя съ тещей, по имени и по отечеству, съ поклономъ и почетомъ. Далѣй того молвить про креснаго отца съ матерью, про дѣда и бабку: а то все говоритъ по имени и по отечеству». Сказанія Русскаго народа. Сахарова. Т. 2 ст. 11.

мамъ. Больше этого у нихъ веселія не бываетъ.

На свадьбѣ дѣвицъ и музыкъ никакихъ не бываетъ, а только трубятъ въ трубки и бьютъ въ литавры.

Такой же свадебный обрядъ совершается и при выдачѣ въ замужство дочери-вдовы, дѣвицы, сестры и племянницы.

7) Во время свадьбы священнику, который долженъ вѣнчать, дается отъ Патріарха и властей письмо съ приложеніемъ печати, чтобы онъ прежде вѣнчанія провѣдалъ подлинно: не состоитъ ли женихъ съ невѣстою въ кумовствѣ, сватовствѣ, крестномъ братствѣ, свойствѣ шестаго и даже седьмаго колѣна, или не четвертой ли жены мужъ и не четвертаго ли мужа жена, желающіе вступить въ супружество? и если онъ узнаетъ, что они дѣйствительно находятся въ одномъ изъ означенныхъ отношеній, то чтобы не вѣнчалъ ихъ. А если священникъ завѣдомо или невѣдомо вѣнчаетъ таковыхъ, то его отставляютъ отъ священства, да кромѣ того въ первомъ случаѣ (т. е. когда онъ вѣнчалъ завѣдомо) берутъ съ него большую пеню и садятъ на годъ на смиреніе у властей; жениха же съ невѣстою разводятъ и вольно имъ вновь жениться и замужъ выходить за кого нибудь другаго.

8) Если вдовецъ пожелаетъ жениться въ другой разъ на дѣвицѣ, то свадебный чинъ совершается такимъ же образомъ, только на жениха вдовца полагается церковный вѣнецъ на правое плечо, невѣстѣ же дѣвицѣ кладется онъ на голову. При третьемъ бракѣ вдовца на дѣвицѣ, свадебный обрядъ остается тотъ же, но при вѣнчаніи церковный вѣнецъ полагается жениху на лѣвое плечо, между тѣмъ какъ у невѣсты онъ находится на головѣ. То же самое, какъ въ свадебномъ обрядѣ,

такъ и въ вѣнчаніи, соблюдается и при замужествѣ вдовы во второй или третій разъ. Если же женится вдовецъ на вдовѣ въ другой или третій разъ, то имъ вѣнчанія не бываетъ, а дается молитва вмѣсто вѣнчанія; свадебный же чинъ совершается такимъ же образомъ, какъ и у холостыхъ людей.

9) Такимъ же образомъ, какъ описано выше, совершаютъ сговоры, свадьбу и весь свадебный чинъ стольники, стряпчіе, дворяне и другіе люди съ большимъ или меньшимъ блескомъ, по силѣ своей, и съ тою разницею, что къ царю ѣздятъ одни только думные люди, стольники и дѣти ихъ при томъ самыхъ большихъ родовъ.

У торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываютъ совершенно такіе же, какъ и у высшаго сословія; разнятся они только въ поступкахъ и платьѣ, смотря по средствамъ.

10) *Когда у родителей двѣ или три дочери дѣвицы и первая изъ нихъ увѣчна* глазами, рукою, ногою, или глуха и нѣма, сестры же ея ростомъ, красотою, рѣчью исполнены и во всемъ здоровы, въ такомъ случаѣ, *если начнетъ кто нибудь свататься* къ первой и пошлетъ смотрѣть ее, *то смотрильщицѣ показываютъ вмѣсто увѣчной вторую или третью дочь, назвавъ ее именемъ первой.* Присланная, осмотрѣвши дѣвицу, сообщаетъ жениху, что невѣста его добра и что жениться ему на ней можно. Женихъ, основываясь на словахъ смотрильщицы, избираетъ невѣсту и дѣлаетъ съ отцомъ или матерью сговоръ, что ему на той имянемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а имъ отдать ее за него въ тотъ срокъ. *Между тѣмъ въ записи они напишутъ такіе великіе заряды, что выплатить ихъ виновному не мочно.* Когда же

приспѣетъ день свадьбы, то по сговору за жениха *отдаютъ не ту дочь, которую показывали смотрильщицѣ, а увѣчную,* имя которой написано въ записи; *ибо въ этотъ день женихъ не можетъ ни разсмотрѣть ее*—слѣпа ли она, крива или безобразна, *ни узнать—нѣма ли она* или глуха, *потому что въ продолженіе всего свадебнаго обряда она бываетъ покрыта и ничего не говоритъ; даже если хрома или руками увѣчна, то и этого нельзя узнать, такъ какъ въ такомъ случаѣ свахи водятъ ее подъ руки.* Только уже послѣ вѣнчанія и обѣда, когда молодые останутся одни, открывается, что молодая очень хороша, вѣкъ съ нею жить, всегда плакать и мучиться! *И потому мужъ задумаетъ постричь свою жену.* Если она по доброй волѣ не пострижется, то *онъ бьетъ, мучитъ ее всячески* и вмѣстѣ съ нею не спитъ до тѣхъ поръ, пока она не пострижется. *Когда жена, нестерпя побоевъ и мученій, станетъ жаловаться своимъ родственникамъ,* что мужъ живетъ съ нею не въ совѣтѣ, бьетъ и мучитъ ее, *тогда родственники бьютъ челомъ Патріарху и высшимъ властямъ.* По этому челобитью власти велятъ сыскать (изслѣдовать) дворовыми людьми и сосѣдями, по душамъ ихъ (подъ присягою) и, если жалоба справедлива, то мужа ссылаютъ на смиреніе въ монастырь на полгода или на годъ, а жена его остается дома. Когда онъ высидитъ урочное время, или сама жена станетъ просить, чтобы его возвратили, то его освобождаютъ и велятъ ему жить съ нею по закону. Если же онъ не послушаетъ, то ихъ разведутъ, имущество раздѣлятъ пополамъ и до семи лѣтъ одному жениться, а другой за мужъ идти не позволяютъ. *А иной, видя, что жена увѣчна, несвѣтлива, отступясь отъ нее, самъ пострижется; много*

бываетъ и такихъ случаевъ, что жены мужей, а мужья женъ отравляютъ (*).

11) Тотъ же, кого обманутъ, выдадутъ за него не ту дѣвицу, которую показывали смотрильщицѣ, жалуется патріарху и властямъ. По его челобитью (прошенію) берутъ зарядныя записи и подъ присягою допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей: дѣйствительно ли выдана та, имя которой означено въ записи? Если та, то такъ тому и быть, какъ написано въ записи и какъ показали люди; жалобѣ же просителя не вѣрить за то, что, не провѣдавъ подлинно, не женися. Если же сосѣди, сторонніе и дворовые люди скажутъ, что выдана не та дочь, которая написана въ записи, то такой бракъ расторгаютъ; съ того, кто неправдою выдалъ дочь, взыскиваютъ большую пеню и жениховы убытки, а самаго бьютъ за его мошенничество (воровство) кнутомъ; иногда же наказываютъ и еще строже, если царю это будетъ угодно.

12) *Также и въ томъ случаѣ, когда у отца одна дочь дѣвица, но увѣчная, то вмѣсто ея показываютъ служанку дѣвицу или вдову, назвавши ее инымъ имянемъ и нарядивши въ иное платье.* Если же дѣвица ростомъ не велика, то подъ нее подставляютъ стулы, такъ что она покажется дородною, а на чемъ стоитъ, того не видно.

13) *Дѣвицъ увѣчныхъ, старыхъ, которыхъ никто уже не хочетъ взять замужъ, отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ безъ замужества.*

14) Когда женихъ захочетъ посмотрѣть свою невѣсту самъ, то, если отецъ и мать знаютъ, что

(*) Вотъ значеніе русской пословицы: «для щей люди женятся, а для добрыхъ женъ постригаются.»

дочь свою показать людямъ нестыдно, показываютъ ее и жениху. Если женихъ, посмотрѣвши невѣсту, не полюбитъ ее, начнетъ хулить и поносить ее дурными, позорными словами и отбивать отъ нее другихъ жениховъ, то отецъ невѣсты или мать или кто другой, узнавши о томъ, жалуется патріарху и властямъ, что такой-то самъ смотрѣлъ его невѣсту и теперь хулитъ ее, безчеститъ и другихъ людей отбиваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проситъ удовлетворенія. Когда по слѣдствію окажется, что жалоба справедлива, *тогда патріархъ и власти велятъ виновнаго женить на ней насильно;* а если онъ до жалобы (челобитья) женился уже на другой, то невѣстѣ возмутъ безчестье по указу.

15) Если кто выдастъ дочь свою или сестру замужъ и дастъ въ приданое за ней много движимаго имѣнія и вотчинъ, а между тѣмъ выдавшая въ скоромъ времени умретъ, не оставя послѣ себя дѣтей, то все принесенное ею отбираютъ у мужа и возвращаютъ его тому, кто ее выдалъ замужъ. Если же по смерти ея останутся дѣти, то приданаго у мужа ея не отбираютъ.

Благоразумный читатель, не удивляйся моему разсказу! По истинѣ во всемъ свѣтѣ нѣтъ нигдѣ такого обмана на дѣвицъ, какъ въ Московскомъ государствѣ; ибо въ немъ нѣтъ такого обыкновенія, какъ въ другихъ государствахъ, чтобы по временамъ самому смотрѣть и уговариваться съ невѣстою.

16) Бояре, думные и ближніе люди держатъ въ домахъ своихъ по 100, по 200, 300, 500 и по 1000 людей мужескаго и женскаго пола, сколько изъ нихъ кто можетъ, смотря по его достоинству и средствамъ. Этимъ людямъ они даютъ погодное жалованье: женатымъ рубли по 2, по 3, по 5 и 10, смотря по человѣку и службѣ его; кромѣ то-

го отпускаютъ платье, какое случится, хлѣбъ и всякій харчь помѣсячно. Живутъ они въ особыхъ покояхъ, на томъ же барскомъ дворѣ. Женатыхъ добрыхъ дворовыхъ людей бояре посылаютъ погодно въ свои вотчины, села и деревни по приказамъ, перемѣнамъ и назначаютъ имъ брать съ крестьянъ жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ можно было поживиться (содержаться). Холостымъ людямъ большой статьи даютъ не большое денежное жалованье, а люди меньшой статьи жалованья не получаютъ; кромѣ того имъ дается всякое платье, шапки, рубашки, сапоги. Холостые люди большой статьи живутъ въ нижнихъ дальнихъ покояхъ; пьютъ и ѣдятъ съ барской поварни; во всѣ праздничные дни имъ отпускается по 2 чарки вина.—Женскій полъ—вдовы живутъ въ своихъ мужниныхъ домахъ и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иныя вдовы и дѣвицы живутъ въ покояхъ боярскихъ женъ и дочерей, получаютъ платье, ѣдятъ и пьютъ съ барской поварни. Дѣвицъ и вдовъ бояре выдаютъ съ надѣлкомъ въ замужество за своихъ же дворовыхъ людей, кто кого излюбитъ, а иногда выдаютъ и насильно, противъ согласія. Свадьбы играютъ въ своихъ боярскихъ хоромахъ, такимъ же порядкомъ, какъ женятся люди всѣхъ другихъ званій. Яствы, питья, свадебное платье, все бываетъ боярское. На сторону же, въ другіе господскіе домы дворовыхъ людей, дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, потому что люди эти, мужескаго и женскаго пола, вѣчные кабальные ихъ холопы.—При боярскихъ домахъ учреждены приказы для домовыхъ дѣлъ, всякаго рода приходовъ, расходовъ и для суда и расправы между дворовыми людьми и крестьянами.

Такимъ же образомъ и люди всѣхъ другихъ

званій, держатъ въ домахъ своихъ людей, вѣчныхъ и кабальныхъ холоповъ, сколько кто прокормить можетъ; не кабальныхъ же людей держать въ домахъ никому не велѣно».

Что же касается до обращенія отца семейства съ женою и дѣтьми, то оно представляется нашими источниками въ страшномъ видѣ:

Извѣстный Сильвестръ въ 38 главѣ своего «Домостроя» даетъ сыну своему слѣдующее наставленіе: «а только жены, или сына или дочери слово или наказаніе (побои) нейметъ, неслушаетъ, и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ или мати учитъ, ино *плетью постегать, по винѣ смотря*; а побить не передъ людьми, наединѣ: поучати да примолвити и пожаловати; а никако же не гнѣваться ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. *А про всяку вину: по уху и по видѣнью* (лицу) *не бити; ни подъ сердце кулакомъ; ни посохомъ не колоть; никакимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или кручины такъ бьетъ,—многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть и перстъ; и главоболіе и зубная* болѣзнь; *а у беременныхъ женъ и дѣтемъ поврежденіе бываетъ во утробѣ;* а плетью, съ наказаніемъ (наставленіемъ) бережно (т. е. чтобы не изувѣчить) бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово.—*А только велика вина и кручиновато дѣло*, и за великое и за страшное ослушаніе, и небреженіе, ино *соймя рубашку плеткою вѣжливенько побить, за руки держа:* по винѣ смотря; да поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали.»—Вѣрный понятіямъ своего времени, Сильвестръ не замѣчаетъ жестокости средствъ, предполагаемыхъ имъ для исправленія домочадцевъ. Но не смотря, од-

нако, на жестокость, все поученіе проникнуто духомъ глубокаго убѣжденія въ необходимости этихъ мѣръ и въ томъ, что онѣ оправдываются достиженіемъ благой цѣли: повиновенія, послушанія безграничнаго. Въ побояхъ, наказаніяхъ все-таки высказывалось желаніе добра, исправленія и потому немудрено, что они считались доказательствами любви. На эту тему Герберштейнъ разсказываетъ слѣдующій случай: «есть въ Москвѣ нѣмецъ кузнецъ, по прозванію Іорданъ, который женился на русской. Эта послѣдняя, проживши нѣсколько времени съ мужемъ, по какому-то случаю ласково спросила его: почему ты, мой милый мужъ, не любишь меня? Мужъ отвѣчалъ ей, что любитъ ее истинно и сильно.—До сего времени, однако, я еще не вижу доказательствъ твоей любви, возразила она.—Какихъ же доказательствъ желаешь ты, спросилъ ее мужъ? Ты никогда не билъ меня, отвѣчала она». (*) «*Русскіе*, свидѣтельствуетъ Коллинсъ, *обходятся съ женами жестоко и держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи; но прежде они обращались съ ними еще безчеловѣчнѣе, нежели теперь*. Года три или четыре тому назадъ одинъ купецъ билъ жену свою до тѣхъ поръ, пока могъ плетью, пальца въ два толщины, наконецъ заставилъ ее надѣть платье, напитанное водкою, три или четыре раза перегнанной, зажегъ его и такимъ образомъ несчастная погибла въ пламени... Всего удивительнѣе, что ея смерть не была отмщена никѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который бы преслѣдовалъ убійство жены или раба, если убійство совершается въ наказаніе за просту-

---

(*) У нашего простаго народа до сего времени живетъ убѣжденіе, что тотъ мужъ не любитъ жены, который не бьетъ ее.

ковъ... (*) *Нѣкоторые мужья привязываютъ женъ за волосы и сѣкутъ совершенно нагихъ.* Такія жестокости, однакожъ, рѣдки и причинами бываютъ только невѣрность и пьянство. Теперь, какъ кажется, мужья ужъ не такъ жестоко обходятся съ женами; покрайней мѣрѣ родители стараются ихъ предупредить и, выдавая дочерей своихъ замужъ, заключаютъ условіе. Они требуютъ отъ зятя, чтобы онъ снабжалъ жену приличными платьями, кормилъ ее хорошей и здоровой пищей, не билъ, обращался ласково и предлагаютъ много другихъ условій, сходныхъ нѣсколько съ тѣми правилами, которыя предписываютъ въ Англіи обыкновенія, получившія силу закона (the Common law). Когда договоръ нарушенъ, то они обращаются съ просьбою къ суду».—«Послѣ вѣнчанія, говоритъ Котошихинъ, священникъ поучалъ молодыхъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины *мужу поучити ея слегка жезломъ, зане мужъ женѣ яко глава на церквѣ*».

Въ такомъ положеніи находилась наша семейная жизнь въ періодъ непосредственно предшествовавшій Петру Великому. Предоставленная съ самаго начала нашей исторіи самой себѣ, своимъ растительнымъ силамъ и подчиненная единственно религіозно-нравственному надзору церкви, она изжила наконецъ свое древнее содержаніе, покрылась непроницаемою для живаго чувства обрядностію и стала въ противорѣчіе съ естественными и нравственными требованіями новаго человѣка.

(*) См. ниже объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ.

Это уклоненіе отъ нравственнаго закона и насущныхъ требованій человѣческой природы было плодомъ предшествовавшей исторіи. Нашъ первоначальный, исключительно родовой кровный бытъ, поставившій во главу нашего мышленія и дѣйствительной жизни семейныя начала и понятія; вліяніе восточныхъ идей въ продолженіе двухсотлѣтняго владычества монголовъ, загнавшаго русскаго человѣка въ недра семейства, гдѣ онъ сосредоточилъ все свое грубое самовластіе и отвыкъ отъ древней общественной жизни; упадокъ просвѣщенія и нравственности въ безгосударное время и наконецъ совершенное устраненіе гражданской власти отъ законнаго опредѣленія внѣшняго положенія семейства среди общества—все это, взятое вмѣстѣ, неблагопріятно дѣйствовало на нашъ семейный бытъ и было болѣе видимою причиною того положенія, въ которомъ представляется онъ въ 17-мъ столѣтіи. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь не могла быть и дѣйствительно не оставалась равнодушною къ такимъ явленіямъ семейной жизни, которыя прямо противорѣчили христіанскому ученію и понятіямъ христіанской нравственности. Чрезъ всю исторію мы видимъ дѣятельное участіе нашихъ духовныхъ пастырей въ дѣлахъ семейныхъ; повсюду слышимъ ихъ протестъ сперва противъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій, которые гнѣздились въ недрахъ семейной жизни, потомъ противъ грубаго пониманія семейныхъ отношеній и суроваго осуществленія ихъ. Тѣмъ не менѣе, эта святая дѣятельность нашихъ отцовъ церкви далеко не приносила желанныхъ плодовъ. Не поддержанная или по крайней мѣрѣ слабо поддержанная со стороны общественной власти и гражданскаго закона, церковь одними своими нравственно-религіозными средствами

не могла успѣшно бороться со всеобщею грубостію нравовъ и невѣжествомъ древней Руси. Для грубаго, невѣжественнаго человѣка мало одного поученія, мало уясненія его правъ и обязанностей, какъ члена семейства и гражданина; нужна еще принудительная власть, которая своею физическою силою сдерживала бы его въ границахъ, предписанныхъ нравственнымъ закономъ, не давала бы развиться его грубымъ инстинктамъ, по крайней мѣрѣ обуздывала бы его дикіе порывы. А этой-то внѣшней силы со стороны власти общественной и положительнаго закона и не доставало церкви въ той мѣрѣ, чтобы она могла успѣшно вести борьбу съ народными нравами. Слѣдствія такого историческаго хода нашего семейнаго быта оказались съ особою яркостію въ 17 столѣтіи, когда старое содержаніе народной жизни изжилось, а новое еще не окрѣпло, не самоопредѣлилось и жило пока подъ старыми уже стѣснительными формами и обычаями. Семнадцатый вѣкъ, мм. гг., по справедливости считается у насъ вѣкомъ переходнымъ отъ одного нашего историческаго возраста къ другому: борьба стараго съ новымъ, несостоятельность и паденіе перваго, возникновеніе и торжество втораго по всѣмъ сферамъ народной жизни—суть отличительныя черты этаго времени.

Въ такомъ же переходномъ состояніи представляется намъ и семейная жизнь въ 17 столѣтіи. Уже одного внѣшняго впечатлѣнія, производимаго чтеніемъ приведенныхъ выше разсказовъ современниковъ, достаточно для того, чтобы почувствовать всю неестественность, нравственную духоту и тяжесть нашего домашняго быта того времени. Какое-то грустно-тяжелое чувство сдавливаетъ душу, тоска хватаетъ за сердце и трепетъ

участія пробѣгаетъ по всему существу нашему, когда послѣ перваго возмущенія нравственнаго чувства, начнутъ тихо осѣдаться на днѣ души остывшія впечатлѣнія. Насъ одинаково поражаетъ и внѣшнее устройство домашняго быта, и нравственныя начала, лежавшія въ его основаніи и, наконецъ, самое существо семейныхъ отношеній.

Съ внѣшней стороны такъ и рисуется въ нашемъ воображеніи этотъ домъ съ теремами, вышками, отдѣльными покоями для мужчинъ и женщинъ, съ высокими заборами, съ воротами на вѣчномъ запорѣ... это цѣлый неприступный замокъ съ его строгими средневѣковыми законами, уставами и обрядами. Свободный входъ и выходъ дозволяется въ немъ въ извѣстное урочное время; обыкновенно же онъ запертъ и не доступенъ. Это древнее устройство домовъ сохраняется и до сего времени преимущественно у крестьянъ-раскольниковъ и вообще у нашего купечества.

Въ этомъ неприступномъ домѣ живетъ родственная масса—нѣсколько семействъ, близкихъ по крови, со всѣми своими домочадцами и домашнею челядью, подъ господствомъ домовладыки, домовита, обыкновенно старшаго въ цѣломъ родственномъ союзѣ. Все это родство, живущее въ одномъ домѣ, держится на кровномъ основаніи, живетъ въ личномъ и имущественномъ единеніи и распредѣляется по началу родственнаго старшинства, которое является краеугольнымъ камнемъ всѣхъ семейныхъ отношеній. Жизни личной, отдѣльнаго лица во имя его человѣческаго достоинства или гражданскаго значенія мы не находимъ въ это время: каждый членъ родственнаго союза совершенно поглощенъ тою родственною массою, въ которой онъ живетъ, совершенно подчиняется

ей душою и тѣломъ и безъ нея не имѣетъ значенія. Какъ въ жизни семейной, такъ въ жизни общественной и даже государственной человѣкъ старой Руси имѣлъ то значеніе, ту сумму правъ и обязанностей, которая причиталась ему по его родовому старшинству, т. е. по той степени, которую онъ занималъ въ своемъ «*отечествѣ*.» Яркимъ выраженіемъ такихъ понятій о достоинствѣ человѣка было *мѣстничество*, которое соблюдалось не только на службѣ между знатными родами, но и у всѣхъ другихъ классовъ народа въ его частной и общественной жизни: на свадьбахъ, крестинахъ, пирахъ, бесѣдахъ... Вездѣ наши предки «*по имени мѣсто давали, по изотчеству жаловали*» и прибавляли, что «*человѣкъ неславна родителя, а высокоуменъ, аки птица безъ крылъ, убивается о землю, а возлетѣти не можетъ*». Вслѣдствіе такой философіи, общаго народнаго воззрѣнія на значеніе и достоинство человѣка, вездѣ въ дѣйствительной жизни дѣйствуетъ цѣлая масса родственниковъ, цѣлое родство, выражая свою дѣятельность чрезъ кровнаго представителя домохозяина, господина, какъ называетъ его Котошихинъ; частнаго же, отдѣльнаго лица съ его волею, чувствовали, желаніями не замѣтно: оно является безмолвнымъ, послушнымъ исполнителемъ общаго рѣшенія, общей воли своей родни. Даже самый домовладыка, господинъ, при всей видимой своей независимости и семейномъ полномочіи, на самомъ дѣлѣ стѣсненъ или правильнѣе стѣсняется, чувствуетъ свою несамостоятельность и при каждомъ рѣшительномъ дѣйствіи нуждается въ совѣтѣ родственниковъ, нуждается въ томъ, чтобы они приговорили. Такимъ образомъ и лицо отца семейства не есть лицо живое, единичное, а какое-то абстрактное, родовое: это не-

обходимый, кровный представитель родственной массы, которая дѣйствуетъ черезъ него согласно своимъ общимъ родовымъ интересамъ и видамъ. «*А лучится* которому боярину или ближнему человѣку *женити сына своего или самому* или *брата* или *племянника* женити или *дочь* или *сестру* и *племянницу* выдать замужъ: и *они межъ себя*, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу той невѣсты... И тотъ человѣкъ, буде хочетъ дать дочь свою или иного кого выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать радъ, только *подумаетъ* о *томъ съ женою своею и сродичами... А будетъ* умыслитъ за него выдать, и *жена и сродичи приговорятъ*: и онъ, изготовя роспись сколько за тою дѣвицею даетъ приданаго... пошлетъ къ тѣмъ людемъ, которые къ нему отъ жениха приходили... *а дочери* или *кому нибуди, о томъ не скажутъ и не вѣдаетъ до замужства своего.*» Такъ дѣлались въ то время всѣ важнѣйшія семейныя дѣла: домовладыка указывалъ, родственники приговаривали и дѣло оканчивалось; о согласіи или несогласіи того члена родственнаго союза, котораго судьба рѣшалась, не было и рѣчи; ему даже не говорили о рѣшеніи родственнаго совѣта, чтобы не слышать его напрасной мольбы, стоновъ и упрековъ.

Тѣмъ не менѣе не всѣ члены родства имѣли одинакое значеніе и голосъ. Нѣтъ, между ними существовало извѣстное различіе, такъ что каждый членъ имѣлъ свое особое положеніе, опредѣляемое его родовымъ значеніемъ.

Вопервыхъ, надъ всѣмъ родствомъ, живущемъ въ одномъ домѣ, возвышается лицо домохозяина. Значеніе его собственное и характеръ его отношеній къ сродичамъ опредѣляются: съ одной стороны понятіемъ отца семейства—домовита, кото-

рый обыкновенно семейный человѣкъ, и съ другой—понятіемъ родоваго старшинства—онъ обыкновенно старшій изъ родственниковъ, живущихъ вмѣстѣ съ его семействомъ. Надъ своею семьею-дѣтьми, внуками, правнуками и всѣми тѣми, кои вмѣсто дѣтей ему дѣйствительно вмѣнялись, домовитъ имѣлъ, какъ увидимъ ниже, почти неограниченную власть. Отцы и въ 17-мъ столѣтіи, оставаясь вѣрными историческимъ преданіямъ, древнимъ понятіямъ объ отеческой власти, считали себя полными обладателями своихъ дѣтей и домочадцевъ, хотя законъ прямо и не давалъ имъ такихъ обширныхъ правъ. Что же касается до отношеній домохозяина къ своимъ сродичамъ, къ которымъ онъ не находился въ положеніи отца, то здѣсь отношенія эти опредѣлялись понятіемъ родоваго старшинства, по которому распредѣлялись положенія всѣхъ остальныхъ членовъ родства. По началу родственнаго старшинства домохозяинъ былъ не болѣе какъ представитель интересовъ своего родства, отечества, которое было центромъ и исходнымъ пунктомъ его значенія, дѣятельности и правъ. Здѣсь онъ не имѣлъ полной независимости и дѣйствовалъ по совѣту и съ согласія родственниковъ, сродичей, особенно въ случаяхъ важныхъ, гдѣ были замѣшаны интересы цѣлаго родства, вмѣстѣ съ нимъ живущаго.

Вовторыхъ, въ противоположность домохозяину мы видимъ цѣлую массу подчиненныхъ членовъ дома, какъ то: семью самаго домовладыки, боковое его родство—братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, сестеръ, племянницъ, а иногда ихъ мужей и дѣтей и т. д. Положеніе этихъ подвластныхъ членовъ различалось смотря потому, какое мѣсто занимали они поотношенію къ домовладыкѣ, т. е были ли они ему дѣтьми, вмѣнялись вмѣсто дѣ-

тей или же находились къ нему въ извѣстномъ отношеніи боковаго родства. Въ первомъ случаѣ они были безсловесными, послушными исполнителями воли и приказаній домовладыки, во второмъ—они имѣли извѣстное значеніе, смотря по мѣсту старшинства, по своему отечеству и слѣдовательно не состояли въ безгласномъ повиновеніи, могли возвысить свой голосъ въ случаѣ нарушенія общеродовыхъ интересовъ.

Но кромѣ этого, втретьихъ, между подчиненными членами родства было еще огромное различіе въ семейномъ значеніи и правахъ, смотря по полу, и въ этомъ отношеніи положеніе женщины было у насъ особенно тяжело. Весь женскій полъ, по понятіямъ древней Руси, считался не свободнымъ, вполнѣ не способнымъ къ самостоятельности, а въ разсматриваемое время былъ лишенъ даже нравственнаго довѣрія. Какія обстоятельства поставили русскую женщину въ это страшное положеніе—это другой вопросъ. Вѣрно то, что оно было слѣдствіемъ общаго народнаго убѣжденія, исполненіемъ общественнаго приговора. Женщина не свободна, ибо она плоть отъ плоти и кость отъ костей мужа; женщина малоумна: у нея волосъ дологъ, а умъ коротокъ, слабъ и шатокъ, говоритъ русская пословица; женщинѣ вѣрить нельзя, ибо:

«Женское дѣло прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое»,

поетъ русская пѣсня,—вотъ капитальныя положенія, на которыхъ держалось воззрѣніе 17-го вѣка на женщину. Книжники пошли въ своихъ ученіяхъ еще далѣе. Существенныя черты женщины, какъ самостоятельнаго, свободнаго лица,

красота женственныхъ нравовъ, женственнаго характера, вся женственная доброта—были отвергнуты ими, осуждены, находились подъ запрещеніемъ, какъ порожденіе зла, какъ сѣти соблазна, какъ грѣхъ неискупный (*)... Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій и доказательствъ о грѣховности и злостности женскаго *прелестнаго* существа возникло убѣжденіе въ справедливости этого позорнаго воззрѣнія на женщину; мы уже видѣли, что, по свидѣтельству Герберштейна, ни одна женщина не почиталась честною, если не сидѣла подъ замкомъ. Убѣдилась наконецъ и сама женщина во всемъ томъ, что толковали объ ней книжные мудрецы и учители. Униженная, загнанная мнѣніемъ вѣка, она дѣйствительно, многое утратила изъ своей человѣческой природы и большею частію оправдывала составленныя о ней ходячія понятія (**). Что же оставалось дѣлать? Нужно было принять рѣшительныя мѣры и вотъ они приняты: въ разсматриваемое время мы видимъ нашихъ женщинъ, преимущественно же у высшаго класса, запертыми въ теремахъ, заключенными въ особыхъ покояхъ, въ вѣчномъ удаленіи отъ мужчинъ и всегда находящихся подъ стражею. Обращеніе съ женами, какъ мы видѣли, было жестоко; а въ древней Руси женщина и имѣла значеніе только въ качествѣ жены (***). Понятно, какое пагубное вліяніе на женскій полъ долженъ былъ имѣть подобный порядокъ вещей... «Московскаго государства женскій полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ не ученые, и не

(*) Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ, Г. Забѣлина. Русс. Вѣстникъ 1857 г. Май: книжка первая.

(**) Тамъ же.

(***) Разборъ книги Терещенко «Бытъ Русс. народа». Г. Кавелина, Современникъ 1848 г.

обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужства своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому можно дознаться, отчего бъ имъ быти гораздо разумными; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало» (*).

Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ нуждался человѣкъ того времени въ тѣхъ преобразованіяхъ семейнаго быта, которыя предприняты были Петромъ Великимъ. Оставаться на прежнихъ началахъ наша семейная жизнь не могла—иначе ей грозили страшныя бѣды: ежеминутныя возмущенія противъ семейныхъ властей отца и мужа, ежеминутныя преступленія, ниспроверженіе святости семейныхъ обязанностей, доведенныхъ невѣжествомъ вѣка до крайнихъ предѣловъ, когда они идутъ въ разрѣзъ съ естественными и нравственными стремленіями, присущими душѣ человѣка.

Эти революціонныя движенія и начались уже въ нашемъ древнемъ семейномъ быту. Первая возмутительница была, какъ видно, женщина. Въ этомъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ и то мнѣніе, которое имѣли наши предки о женщинѣ и мѣры, которыя они приняли къ удержанію и смиренію непокорной: она, говоря вообще, приговорена къ вѣчному, пожизненному домашнему заключенію, изъ котораго въ праздники, въ торжественные семейные дни могла выходить подъ крѣпкимъ ка-

---

(*) Описаніе Россіи. Гл. IV, стр. 44.

раудомъ; въ общественной же жизни она состояла подъ бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ. Само собою разумѣется, что такое строгое содержаніе женщинъ было невозможно во всей точности между низшими классами; но полицейскій надзоръ и недовѣріе были въ одинаковой силѣ у всего народа. «Не вѣрь женѣ дома, а кобылѣ въ дорогѣ,» цинически говорятъ и теперь нашъ крестьянинъ. Лишенная признанія со стороны мужчины на равное съ нимъ человѣческое достоинство и поставленная на ряду съ домашнею прислугою, объявленная неспособною къ самостоятельности, заподозрѣнная въ своей женской чести, женщина древней Руси, ненаходя ни въ комъ себѣ сочувствія и предоставленная самой себѣ въ своемъ вѣчномъ, тупомъ уединеніи, разумѣется упала духомъ, потеряла силы бороться съ своими естественными влеченіями и пала сначала какъ жертва своего страшнаго положенія; но потомъ, какъ осужденная и заключенная, не находя средствъ ни къ оправданію, ни къ освобожденію и признанію своихъ правъ, она уже переступила завѣтную грань—потеряла совѣсть, сознаніе долга и сдѣлалась тою злою и распутною женою, о которой такъ проповѣдуютъ наши старые книжники, и которой такъ боятся отцы за своихъ сыновей. (*) Поучая ихъ и завѣщая имъ свою жи-

(*) Въ одномъ изъ множества поученій о женщинѣ отецъ бесѣдуетъ съ своимъ сыномъ такъ: «Адамъ не прельстися, говорятъ онъ, указывая на виновность женщины въ паденіи человѣка, но жена его Ева совѣтомъ зміинымъ прельстися и тоя ради вины *отъя Богъ все самовластіе* отъ жены; съ тѣхъ поръ она *покорена* мужу своему и во всемъ *повинуется* ему, не имѣетъ ни единыя власти надъ нимъ, мужъ глава ей и господствуетъ ею во всемъ, понеже преступила *повелѣнія* и восхотѣла быти свободна. Зри, сыне, яко *отъялъ* Богъ отъ жены самовластіе, да вопреки не глаголетъ мужу своему».

«Это истинно, отвѣчаетъ сынъ, но истинно также и то, что,

тейскую мудрость, они только и толкуютъ о томъ, какъ должно беречься женщины вообще и какъ въ особенности обходиться съ женою, заклинаютъ и совѣтуютъ: не довѣрять ей, держать ее въ безмолвномъ повиновеніи, строгомъ уединеніи, въ кругу домашняго хозяйства, около прислуги, а въ случаѣ непослушанія наказывать ее бережно плетью, сонмя рубашку, чтобы не изувѣчить. (*)

«Но если легко было доказать и еще легче убѣдиться и убѣдить, то-есть совершенно извратить понятія толпы и понятія самой женщины; то было не только трудно, но и рѣшительно невозможно остановить въ женщинѣ естественныя, въ высщей степени законныя стремленія къ нравственной самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороться и она сама, вполнѣ убѣжденная, что стремленія эти есть преступленіе противъ нравственныхъ положеній вѣка, что напримѣръ, непослушаніе домовладыкѣ во всякомъ случаѣ есть беззаконіе и грѣхъ.»

благодѣтельствуя своему созданію, послалъ Богъ сопротивно печали и клятвы благословеніе, и вмѣсто Адама новый Адамъ, Христосъ, и вмѣсто Евы благословенная Богородица Марія: вся нова бысть и женское племя благословися; якоже бо жена, и по смерти мужа своего спасаетъ и дому строительница бываетъ и вѣнецъ, мужу своему сплетая, на главу полагаетъ, и яко сладкія воды отъ устъ ея истекаютъ, и горесть мужу своему услаждаетъ, милосерда, чадолюбива... *Не суть злое естество женское.*

Нѣтъ, сыне, Знай, что въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ едина отъ тысящи такова обрящется... Если и сосцами ея питается, то множицею отъ нихъ и кровію вѣчается. Отъ женъ многія убійства сотворишася, и много крови проліяшася, села и домы разсыпашася. Горе царству тому, имъ же жена властелинствуетъ; горе, горе и дому тому, имъ же жена владѣетъ; зло мужу тому, который жены слушаетъ. Увы мнѣ! *въ нынѣшнемъ родѣ сія содѣвается:* многіе человѣцы городами владѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ въ зерцала смотрѣться и вопами лица своя помазываютъ... Ушеса своя позавѣсили каменіемъ, да *не слышатъ гласа Божія,* ни святыхъ книгъ писанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія. Познали путь заблужденія... Женщина по понятіямъ стар. книжниковъ. Г. Забѣлина, ст. 33 и слѣд.

(*) См. выше поученіе Сильвестра.

«Здѣсь—то и возникла та отчаянная борьба между мужемъ и женой, между понятіями толпы и дѣйствіями жены, выражавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистью, озлобленіемъ существа слабаго, порабощеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельности своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уколовъ, гдѣ способности ея, не имѣвшія другаго выхода, изощрились въ неимовѣрной силѣ. Какъ бы въ отмщеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, между мужемъ и женой, женщина явилась мужчинѣ въ образѣ *злой жены*. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. *Злая жена* явилась результатомъ древнихъ воззрѣній на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той дѣйствительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято у жены. *Злая жена* явилась терновымъ вѣнцомъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ, человѣческихъ отношеній къ женѣ. И мужчина глубоко чувствовалъ это иго, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе излилось въ нескончаемыхъ апоѳемахъ, изрѣченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихъ и злую жену и собственную его бѣду. Съ какою то озлобленною радостію онъ выбираетъ эти изрѣченія отвсюду и изъ писанія, и отъ внѣшнихъ мудрецовъ, приводитъ въ свидѣтельство бездну повѣстей, анекдотовъ, ис-

торій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ неистовыхъ краскахъ. Рукописные сборники, эти маленькія настольныя библіотеки нашихъ предковъ, куда они заносили все любопытное, назидательное для нихъ, все интересовавшее ихъ любознательность, наполняются изрѣченіями, повѣстями, бесѣдами, прикладами (примѣрами), словами о злыхъ женахъ, о женской хитрости, лести, коварствѣ, о женскихъ козняхъ и т. д.» (*)

Но уже ничто не помогало... Къ нравственному воздѣйствію женщина того времени была уже мало способна, ибо для принятія нравственныхъ началъ необходима извѣстная умственная подготовка, значительная степень умственнаго развитія, въ которомъ были такъ бѣдны, по свидѣтельству Котошихина, наши женщины 17-го столѣтія. Не сдерживаемая ничѣмъ въ своемъ нравственномъ существѣ, лишенная правильныхъ и ясныхъ понятій о своемъ назначеніи, долгѣ, семейномъ и общественномъ значеніи, она уже не могла остановиться... Послѣ этаго понятно, что никакая внѣшняя сила, какъ бы она велика ни была, не могла имѣть надъ нею никакого дѣйствія. Ни затворы, ни страшная власть мужа и отца семейства, ни жестокое обращеніе, ни осужденіе вѣка—ничто не помогало, ибо женщинѣ несвободной, невѣжественной и грубой, было отказано во всемъ: въ нравственномъ довѣріи, умственныхъ способностяхъ и въ законномъ удовлетвореніи ея естественныхъ наклонностей и влеченій. Женщина того времени исключительно назначалась для семьи: она имѣла одно назначеніе

(*) Женщина по понятіямъ стар. книжниковъ г. Забѣлина, ст. 30, 31.

—быть женою (а слѣдовательно и матерью)—и ей было отказано даже въ свободѣ выбора себѣ мужа-господина! Идти далѣе такъ жизнь не могла... Нужно было и нужно было не отложно снять съ души женщины невольный грѣхъ, результатъ всеобщей грубости нравовъ, неестественности жизни вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ древнихъ вѣрованій, старыхъ формъ и строгости древнихъ началъ. Нужно было разрѣшить женщину отъ всѣхъ насильственныхъ прещеній, дать ей насущную самостоятельность, признать за нею какія нибудь человѣческія права, хотя въ предѣлахъ древняго ея пониманія, какъ жены, дать ей по крайней мѣрѣ свободу въ выборѣ себѣ мужа—господина. Иначе... иначе жить женщинѣ было бы невозможно.

Равнымъ образомъ и дѣти—сыновья, и весь мужескій полъ семьи, на дѣтскомъ положеніи состоянія, не могъ не чувствовать давленія отеческой власти и лишенія своей самостоятельности, не смотря на то, что онъ былъ все-таки болѣе свободенъ и не носилъ на себѣ бремя всеобщаго приговора въ неисполненіи своихъ семейныхъ обязанностей. Мы видѣли, что отецъ семейства и его сродичи мало обращали вниманія на волю дѣтей, ихъ личныя наклонности, желанія: сыновья также были безсловесными исполнителями рѣшеній своей семьи. Пока грубость нравовъ соотвѣтствовала первоначальной простотѣ жизни, ея умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ, до тѣхъ поръ и домочадцы не чувствовали можетъ быть тяжести древней семейной зависимости, отличаясь покорностію родственнымъ властямъ, а слѣдовательно добрыми нравами, по понятіямъ своего вѣка. Но когда народная жизнь, послушная своимъ внутреннимъ законамъ, переходитъ изъ

одного возраста въ другой, выдвигая мало по малу на сцену действительной жизни, еще покоящейся пока на старыхъ началахъ и подъ старыми формами, новыя требованія умственныя и нравственныя, то разладъ между сими последними и самою жизнію начинаетъ тяжело чувствоваться передовыми людями, которыми большею частію бываютъ новыя, молодыя поколѣнія. Въ такомъ положеніи находились дѣти 17-го столѣтія по отношенію къ своимъ родителямъ, т. е. отцамъ семействъ. Отеческая власть, какъ увидимъ ниже, и въ это время, вѣрная древнему своему значенію, была почти неограниченна, а грубость нравовъ дѣлала ее невыносимою. Отсюда и въ отношеніяхъ отцовъ къ сыновьямъ, къ дѣтямъ неминуемы были тяжкія столкновенія, нарушающія семейный миръ и согласіе; нужно было освободить и дѣтей отъ убивающей семейной зависимости, дать имъ права на самостоятельность—сказать по крайней мѣрѣ, что они *не скоты безсловесные*, особенно тамъ, гдѣ будетъ дѣло идти о рѣшеніи ихъ участи.

Итакъ, изъ предложеннаго обзора семейнаго быта нашихъ предковъ въ періодъ предшествовавшій Петру, открывается, что бытъ этотъ, изживпій свое древнее содержаніе, сталъ въ противорѣчіе съ требованіями нравственнаго закона, и съ духомъ начинавшагося новаго времени, а потому и требовалъ неотложныхъ существенныхъ преобразованій, какъ со стороны внѣшней—въ отмѣнѣ стѣснительныхъ формъ, обычаевъ, обрядовъ; такъ и со стороны внутренней—въ болѣе правильномъ установленіи нравственныхъ началъ для семейныхъ отношеній. Церковь, единственный руководитель до сего времени семейной жизни, оказывала, какъ видно, до-

вольно слабое дѣйствіе на народныя нравы въ этомъ отношеніи; иначе не было бы такихъ страшныхъ обмановъ и насилій въ святѣйшихъ для человѣка дѣлахъ, каковы, напримѣръ, бракъ, понятіе о которомъ совершенно извратилось, постриженіе дочерей, когда не было надежды на ихъ замужество;—не было бы и того жестокаго обращенія съ женами и домочадцами, которое мы видѣли. Грубость народныхъ нравовъ и общее невѣжество продолжали царить, какъ въ жизни семейной, такъ и общественной; свѣтъ просвѣщенія, приносящій съ собою и умягченіе народныхъ нравовъ, былъ еще далекъ—для него, такъ мало было сдѣлано въ древней Руси. Нужно было поэтому вмѣшательство гражданской власти, которая своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ дала бы извѣстныя внѣшнія грани семейному быту, видоизмѣнила бы, правильнѣе опредѣлила бы внутреннія его начала и тѣмъ подѣйствовала бы на самое существо семейныхъ отношеній.

Этимъ жаждущимъ потребностямъ и удовлетворяетъ на первый разъ Петръ Великій, къ разсмотрѣнію законодательства и дѣятельности котораго мы теперь приступимъ.

I. ВСКРЫТІЕ ЗАМКНУТОСТИ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

Мы видѣли, что жизнь древняго нашего человѣка сосредоточивалась преимущественно и даже исключительно въ семейномъ быту. За черту домашняго крова онъ рѣдко когда переступалъ, ибо жизни общественной, въ истинномъ значеніи этого слова, не знала древняя Россія. Домъ, обнесенный высокими стѣнами, съ особыми покоями для женскаго пола и дѣтей, былъ или покрайней мѣрѣ по обычаю долженъ былъ быть навѣч-

номъ запорѣ. Въ этихъ крѣпкихъ стѣнахъ уединенія, въ совершенномъ удаленіи отъ общества, текла семейная жизнь, состоявшая почти исключительно въ веденіи домашняго хозяйства. Особенно строгому заключенію и отлученію отъ мужескаго сообщества были подвергнуты женщины: на ихъ половину даже прислугѣ мужескаго пола входъ былъ воспрещенъ. Только въ извѣстные господскіе праздники, во время общественнаго богослуженія, да по случаю какихъ либо семейныхъ событій отворялся домъ для посѣщенія церкви, выхода въ гости или для принятія къ себѣ гостей. «Въ господскіе праздники или иные нарочитые, имянинные, родильные и крестильные дни наши предки, говоритъ Котошихинъ, пиршествовали другъ у друга. «Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что и древняя наша общественность, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она проявлялась, имѣла въ основаніи своемъ семейное начало. Имянины, рожденіе, крещеніе,— семейные праздники были и праздниками общественными; они заявляли семейныя событія въ обществѣ, были торжественными по случаю сихъ событій собраніями, были именно пирами, смѣнившими въ нашей общественной жизни древнія тризны Отсюда уцѣлевшія слѣды ихъ древняго религіозно-мистическаго значенія, отсюда строгая обрядность. Древній нашъ пиръ-бесѣда былъ поэтому также стѣснителенъ для человѣка, какъ и семейная его жизнь; ибо онъ имѣлъ значеніе обряда, церемоніи, совершаемой по извѣстнымъ непреложнымъ правиламъ и обычаямъ, въ исполненіи которыхъ и заключался весь смыслъ, вся прелесть и значеніе. Нарушеніе этихъ правилъ, обрядовъ и обычаевъ влекли за собою позоръ и посмѣяніе; кто по этому не зналъ твердо

обычнаго на этотъ счетъ устава, тотъ долженъ былъ пригласить званаго, человѣка стараго, который бы зналъ свое дѣло, ибо дѣло это неписаное, а установлено отъ вѣка старыми людьми. Если же общественныя собранія древней Руси имѣли семейное, такъ сказать, происхожденіе, то понятно, что человѣкъ, являясь на нихъ, приносилъ съ собою не личное, а свое родовое значеніе, по которому получалъ въ обществѣ извѣстное мѣсто и почести, имѣлъ извѣстныя права и исполнялъ извѣстныя обязанности. Однимъ словомъ, въ обществѣ того времени каждый членъ его участвовалъ въ совершеніи торжества, церемоніи, выполнялъ въ ней какой нибудь обрядъ, производилъ какой нибудь актъ. Въ чемъ состояла эта внѣшняя обрядность нашихъ древнихъ пировъ, мы уже видѣли изъ описанія Котошихина. Теперь же, въ дополненіе и оживленіе картины Котошихина приведемъ въ высшей степени исторически-вѣрное и мастерское объясненіе г. Забѣлина тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ держалась наша общественная жизнь того времени.

«На пиру—бесѣдѣ, говоритъ онъ, люди собирались дѣлить время, веселится другъ съ другомъ; слѣдовательно, здѣсь мы должны искать тѣхъ формъ общежитія, въ которыхъ развилось начало управлявшее людьми во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Какъ же встрѣчали, какъ принимали другъ друга наши предки въ этихъ пирахъ-бесѣдахъ? было ли это свободное, никого не связывающее и не тѣснящее собраніе людей, съ цѣлію провести время въ обществѣ, и дѣйствительно ли собиралось здѣсь общество? то есть совокупность лицъ другъ другу равныхъ или покрайней мѣрѣ, равно съ другими принимаемыхъ, равно съ дру-

гими чествуемыхъ? Нѣтъ, древній пиръ-бесѣда не представлялъ общества въ теперешнемъ смыслѣ. Это было собраніе людей, которые расчитывали свои отношенія другъ къ другу, по отчинѣ, по отеческой чести. Человѣкъ опредѣлялся его принадлежностію къ извѣстному разряду родовой, наслѣдственной чести. Чѣмъ выше была порода человѣка, тѣмъ онъ былъ старше, тѣмъ большій ему почетъ давали, на высшее противъ другихъ мѣсто сажали. За такими расчетами человѣческая самостоятельная личность не была видна. Лицо, являясь въ тогдашней общественности, впереди всего несло свою отчину, дѣдину, честь своего отечества, а отечествомъ признавался даже каждый служебный разрядъ лицъ. Въ началѣ честь, высота породы или отечества опредѣлялись конечно наслѣдственностію занятій, которыя въ первобытномъ обществѣ представляли своего рода службу землѣ, и по мѣрѣ пользы, значительности для общества этой службы, были выше, почетнѣе, сильнѣе, нежели другія. Военный, въ послѣдствіи служилый въ собственномъ смыслѣ разрядъ народа стоялъ на первомъ планѣ, выше другихъ, торговый выше ремесленнаго или посадскаго, ремесленный выше земледѣльческаго и смерды были послѣдними въ этой лѣстницѣ. Съ развитіемъ государственности явилось много другихъ разрядовъ чести; но первобытное дѣленіе осталось въ своей силѣ и новые разряды должны были къ нему примѣриваться, приноравливаться. Порода военнаго разряда княжеская, боярская, дворянская почиталась высшею породою, отъ того съ такою щекотливостію она и охраняетъ вездѣ свою честь».

«Каждый служебный разрядъ, каждый чинъ людей имѣлъ свою степень чести, которая счи-

талась его породою, его отечествомъ, такъ что каждый чинъ въ этомъ смыслѣ представлялъ какъ бы особый родъ, болѣе или менѣе честный, почетный, старшій. Человѣкъ, выходя изъ кровнаго родоваго, патріархальнаго быта въ государственный, иначе и не могъ опредѣлять своихъ новыхъ отношеній какъ на основаніи прежнихъ же своихъ понятій. Точкою его отправленія были семья и родъ, родственное старшинство и меньшинство, которое онъ усматривалъ всюду и облекъ имъ служебныя и другія отношенія, явившіяся съ развитіемъ государственности. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ старшій уклонялся въ роль отца, младшіе разумѣли себя дѣтьми. Родственныя отношенія были преобладающимъ началомъ въ старомъ нашемъ общежитіи. Служебную честь (въ обширномъ значеніи) каждый почиталъ какъ родовое старшинство, почиталъ ее своею породою, своимъ отечествомъ.»

«Собирались люди на пиръ-бесѣду, они садились по старшинству чиновъ,—не по старшинству ранговъ, которыхъ не существовало, а старшинству родовыхъ чиновъ, то-есть разрядовъ народа, бояре съ боярами, дворяне съ дворянами, посадскіе съ посадскими и т. д. Каждый разрядъ, какъ мы сказали, представлялъ отечество для его членовъ, то-есть—родъ, къ которому они принадлежали. По этому отечеству или отчинѣ гостямъ мѣсто даютъ и жалуютъ, чествуютъ ихъ. Какъ не были равны честью разряды, чины народа, такъ не были равны честью и члены каждаго разряда. Они не могли мѣшаться мѣстами и сѣсть, кто куда сѣлъ. Одинаковый чинъ, уравнивая своихъ членовъ въ правахъ служебныхъ, нисколько не уравнивалъ ихъ въ тогдашнемъ общежитіи, въ тогдашней общественности. Здѣсь

каждый изъ членовъ не былъ самостоятельнымъ представителемъ своего званія, равнымъ съ другими; онъ былъ представителемъ извѣстнаго отечества, извѣстнаго, болѣе или менѣе честнаго почетнаго, породистаго рода и этимъ отечествомъ становился выше или ниже другихъ своихъ сверстниковъ, своей братіи по чину и разряду. Здѣсь ни у кого не было своего самостоятельнаго лица, а всякій представлялъ только извѣстный нумеръ своего отчества, по которому и входилъ въ общую нумерацію мѣстъ. Котошихинъ разсказываетъ, что въ царской думѣ и за столомъ, бояре окольничіе и думные дворяне садились на лавкахъ по чинамъ, то-есть бояре, окольничіе, дворяне, каждый чинъ отдѣльно, но бояре подъ боярами садились уже по роду своему и по чести, то-есть по отчинѣ, кто кого честнѣе породою, а не по службѣ, и не потому, кто кого старѣе въ чину, хотя кто и сегодня пожалованъ, наутріе по породѣ своей, учнетъ садѣти выше. Вслѣдствіе того бояре, царю свойственные по царицѣ (напримѣръ отецъ царицы) въ думѣ и за столомъ у царя не бывали, потому что имъ подъ оными боярами сидѣть стыдно, а выше неумѣстно, что породою не высоки. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣже самыя правила свято наблюдались и въ частномъ быту«.

»Итакъ отчество, отчина, родовое, а не личное, общественное значеніе лица полагалось главнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній въ нашемъ древнемъ общежитіи. Въ этомъ смыслѣ древній пиръ-бесѣда представлялъ какъ бы собравшійся родъ—племя, гдѣ самъ хозяинъ или гость, занимавшій почетное, большое мѣсто, обыкновенно въ переднемъ углу, представлялъ лицо старѣйшины рода, лицо домавладыки, ибо въ домашнемъ семейномъ быту это мѣсто всегда при-

надлежало главѣ семейства, домохозяину. Остальные были какъ бы сродичи, занимавшіе мѣста по степенямъ сродства, родственнаго большинства и меньшинства, такъ точно какъ въ домашнемъ быту занимали эти мѣста члены семейства.»(*)

Такова была наша древняя общественная жизнь, сложившаяся по прототипу жизни семейной. Изъ нея мы видимъ, что человѣкъ древней Руси ни на минуту не терялъ своего семейнаго значенія и гдѣ бы и куда бы он появлялся чувствовалъ, что онъ нераздѣльная часть своего родства, что слѣдовательно онъ человѣкъ невольный, не имѣющій права творить свою волю, имѣть свои личныя желанія и стремленія, и что прежде всего всегда и вездѣ на немъ лежитъ обязанность беречь свое отечество. Для соблюденія этаго отечества тогдашняя жизнь установила тотъ цѣлый кодексъ правилъ, формъ, обычаевъ, вслѣдствіе коихъ общественныя собранія обратились въ церемоніи, обряды, изъ подъ которыхъ не видно живаго лица человѣка.

Слѣдствія такого состоянія общественной жизни очевидны: наша древняя общественность не только не давала человѣку того времени нравственнаго освѣженія, обновленія, не только не возбуждала къ дѣятельности его нравственныхъ и умственныхъ силъ, но напротивъ подавляла ихъ, усыпляла физически. *Ѣсть и пить*—были единственнымъ наслажденіемъ. За то же и кушали наши предки!

Послѣ всего сказаннаго понятно, что живая, энергическая натура Петра Великаго, при томъ же воспитанная при нѣкоторомъ вліяніи западныхъ идей, не могла не почувствовать болѣе

(*) Женщина по понятіямъ стар. книжниковъ, г. Забѣлина ст. 9—16.

всѣхъ другихъ всю неестественность и тяготу тогдашней общественной жизни. Отсюда стремленіе Петра измѣнить этотъ тяжелый, обычный порядокъ вещей въ ежедневной, частной жизни своихъ подданныхъ; ввести новые обычаи, которые давали бы болѣе свободы нравственнымъ и умственнымъ способностямъ человѣка, болѣе удовлетворенія его живымъ, естественнымъ потребностямъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ предпринялъ реформу нашей общественной жизни и открылъ ту упорную борьбу съ народными нравами и обычаями, которая вызвала противъ него сильнѣйшую оппозицію и ожесточила народъ, все таки дорожившій формами быта, въ которыхъ онъ выросъ, хотя эти формы и давили его, стѣсняли нравственное и умственное развитіе. Извѣстно, что для для грубаго человѣка внѣшняя формальная сторона его быта всегда важнѣе внутренняго значенія и смысла тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи бытовыхъ формъ; ибо онъ еще не привыкъ углубляться мыслію во внутреннее существо вещей, а опредѣляетъ и себя и свои отношенія ко всему сущему только по внѣшнимъ явленіямъ, которыя непосредственно дѣйствуютъ на его чувства. Но еще болѣе дорожитъ онъ формами своего быта и заведеннымъ въ немъ отъ вѣка порядкомъ вещей въ такъ называемыя переходныя эпохи народной жизни, когда старыя начала, на которыхъ держалась эта жизнь, потеряли свою жизненную силу, а новыя еще не окрѣпли настолько, чтобы вполнѣ замѣнить старыя. Тогда обветшавшія формы остаются для народа почти единственнымъ руководителемъ; разрушить ихъ разомъ, значитъ отнять у него все, лишить его руководной нити. Вотъ почему реформація, какъ бы она умѣренно и осторожно на

производилась, всегда и вездѣ вызывала эквивалентную себѣ опнозицію со стороны стараго быта, который никогда не откажется отъ послѣдней борьбы, отъ предсмертнаго напряженія. Притомъ же явное уничтоженіе того, что есть, къ чему привыкли, при неизвѣстности будущаго, всегда возвышаетъ цѣну настоящаго порядка вещей, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ и стѣснителенъ. Вотъ нравственныя причины того народнаго ожесточенія, которое встрѣтилъ Петръ, когда коснулся онъ по видимому самыхъ незначительныхъ вещей. Человѣкъ старой Руси такъ сильно дорожилъ формами своего быта не потому, чтобы формы эти были хороши, необходимы для его нравственныхъ и умственныхъ потребностей, свободны, легки, но потому, что не зналъ пока ничего лучшаго, тогда какъ привыкъ къ старому, хотя и тяжелому для его человѣческой натуры. Причина возмущеній, слѣдовательно, была не дѣйствительная, а кажущаяся. Это хорошо чувствовалъ и сознавалъ Петръ, а потому и дѣйствовалъ энергически, хотя можетъ быть не совсѣмъ безопасно для себя. Съ свойственнымъ ему одному одушевленіемъ, которымъ обыкновенно проникался онъ, когда обнимало его убѣжденіе, онъ началъ предавать посмѣянію и преслѣдованію нелѣпыя формы и обрядности стараго быта и вводить новыя. Онъ понималъ причину привязанности своего народа къ внѣшности, къ обветшалымъ формамъ и обрядностямъ его прежней жизни и былъ убѣжденъ, что какъ скоро онъ раскроетъ предъ его глазами оптическій обманъ, навѣяный на него историческими предразсудками и преданіями, то его разумный народъ смѣло пойдетъ за нимъ. Руководимый этимъ убѣжденіемъ, онъ издалъ множество указовъ объ измѣненіи

формъ принятаго платья и брятья бородъ, желая уничтожить самую внѣшность, съ которою такъ тѣсно связаны были понятія человѣка древней Руси. Тамъ же гдѣ положительный законъ не могъ имѣть силы, онъ старался дѣйствовать собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ участіемъ. Изъ всѣхъ его предпріятій въ борьбѣ съ народными нравами, для нашего вопроса особенную важность имѣетъ учрежденіе, такъ называемый ассамблей.

»Изъ сихъ обычаевъ (которые господствовали въ тогдашней общественной жизни), говоритъ Голиковъ, несносны были Великому государю особливо тѣ, которые сходствовали во многомъ съ восточными народами, изъ коихъ главнѣйшій сей, что тогда женскій полъ, а паче дѣвицы, за великій почитали стыдъ казаться въ народъ, и что не токмо дѣвицы, но и мужескаго пола дѣти въ самомъ важнѣйшемъ пунктѣ жизни своея были истинными невольниками. Я разумѣю подъ симъ о бракахъ, которыми не могли они располагать по своей волѣ, а зависѣли въ оныхъ отъ воли родителей, которые, не спрашивая о томъ у нихъ согласія и склонности, располагали ихъ браками и несчастныя сіи жертвы принуждены были довольствоваться такими супругами и мужьями, какіе имъ по волѣ отцовъ ихъ доставались; а отъ того и выходили часто самыя бѣдственнѣйшія слѣдствія.

Молодой монархъ, по врожденному остроумію своему, видѣлъ, что обычай таковой однимъ только невѣрнымъ народамъ, коимъ позволено многоженство, былъ приличенъ, и которыхъ браки по ихъ волѣ, въ случаѣ неудачи, легко разрываются; а не христіанамъ, коимъ предписано закономъ имѣть одну только жену, но и ту только

крѣпкими узами связанную, что разорваніе оныхъ дѣлается невозможнымъ. И для того попечительнѣйшій о благѣ подданныхъ своихъ монархъ повелѣлъ: чтобы впредь женскому полу имѣть въ честномъ обхожденіи съ людьми совершенную свободу, и чтобъ какъ замужнія жены, такъ и дѣвицы ходили не закрываясь на свадьбы, на пиршества и на всякія публичныя увеселенія. А дабы вольность сія желаемый успѣхъ возъимѣла, то монархъ за нужное почелъ учреждать; какъ при дворѣ, такъ и у бояръ, подобныя европейскимъ столы, балы и другія увеселенія, на кои приглашаемы были и всѣ знатныхъ людей жены, и дочери, одѣтыя по нѣмецки, по французски, или по Англійски. Сверхъ же сего учредилъ, чтобъ были въ Москвѣ публичныя театральныя представленія, на которыхъ не могли уже не быть господа съ своими женами и дочерьми, ибо для того нарочно самъ на оныхъ всегда присутствовалъ. И такимъ образомъ съ новыми познаніями и разсѣявалася вездѣ мало по малу склонность къ пріятельскимъ сообществамъ« (*).

Учрежденіемъ театральныхъ представленій, общественныхъ собраній, ассамблей, публичныхъ игоръ и увеселеній, на которыя, по повелѣнію Петра и личнымъ его требованіямъ, увѣщаніямъ люди высшаго сословія должны были являться съ своими женами, сестрами, дочерями, положено было основаніе къ уничтоженію замкнутости семейнаго быта. Введеніе свободы въ честномъ обхожденіи мужчинъ съ женщинами поставило ихъ въ прямыя отношенія, а снятіе покрывалъ

(*) Дѣяніе Петра Великаго, Голикова Москва 1837 изд. 2-е., Т. II, с. 8 и 9.

дало имъ возможность смотрѣть лицомъ въ лицо другъ-другу. Взаимное, нравственное, основанное на природномъ влеченіи, общеніе половъ было такимъ образомъ по возможности, на первый разъ, возстановлено; остальное должна была додѣлать самая жизнь. Для насъ здѣсь не форма важна, не образъ дѣйствій Петра, а мысль: тотъ новый общественный элементъ, который вводилъ онъ въ нашу жизнь. Важно то, что съ этого времени открывалась у насъ возможность семейству—освѣжиться общественнымъ вліяніемъ, привнесеніемъ въ себя изъ общества новыхъ мыслей, новыхъ интересовъ нравственныхъ, возникновеніемъ правильныхъ, естественныхъ сочувствій, а обществу—имѣть надзоръ за семейною жизнію, проникать въ ея тайны, подвергать общественному суду и въ свою очередь проникаться мягкимъ семейнымъ элементомъ, смягчающимъ холодныя, эгоистическія отношенія чужихъ, стороннихъ людей, встрѣчающихся между собою за предѣлами семьи, внѣ дома. До сего времени общественная жизнь, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда она проявлялась въ видѣ праздниковъ, пировъ, свадебъ, крестинъ и т. д., не могла производить подобнаго дѣйствія, ибо она, какъ мы уже замѣтили выше, имѣла значеніе обряда, церемоніи на какой нибудь торжественный случай. Человѣкъ до сего времени являлся въ общество, чтобы выполнить извѣстную обязанность по отношенію къ извѣстному событію, обязанность лежащую на немъ, какъ на членѣ извѣстнаго рода, родства, отечества, понятіями котораго онъ только и жилъ. Такъ какъ каждый полъ имѣетъ свои отдѣльныя обязанности, то онъ и выполнялъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга. Только въ извѣстный урочный часъ, предъ подачею какихъ нибудь круглыхъ пи-

роговъ, жены приходили къ мужьямъ для совершенія извѣстнаго обряда и потомъ опять удалялись въ свои недоступные покои. Теперь же этотъ родственно-обрядовой характеръ снимался въ общественной жизни; на мѣсто его вводилась свобода обращенія, равенство лицъ, разъединеніе половъ уничтожилось и давалось мѣсто личнымъ требованіямъ человѣка. Теперь уже невозможны были родовые счеты, ибо уничтожены даже внѣшніе признаки родственной іерархіи: бояре, окольничьи, дворяне, даже купцы, однимъ словомъ всѣ тѣ, кои имѣли доступъ въ эти новыя общественныя собранія, покрыты были однимъ платьемъ, смѣшаны въ одну толпу; не возможны были, далѣе, и тѣ обманы, о которыхъ говоритъ Котошихинъ, ибо китайская стѣна, раздѣляющая мужчинъ и женщинъ сломана, покрывала сняты и всѣ средства къ подобнымъ обманамъ отняты.

Однимъ словомъ, вскрытіемъ замкнутости семейства, снятіемъ вѣчныхъ запоровъ съ домовъ, уничтоженіемъ страшнаго отлученія мужчинъ отъ женщинъ и введеніемъ свободы въ честномъ обхожденіи между ними съ одной стороны, а съ другой-уничтоженіемъ родовой обрядности, церемонности, чинности общественныхъ собраній, вслѣдствіе коихъ общественная жизнь получила характеръ какого-то общественнаго служенія, хранила на себѣ хотя уже и слабые слѣды древней тризны.—Петръ Великій положилъ начало и основаніе нашей общественности, тому необходимому, основанному на самомъ существѣ человѣческой жизни общенію семейства съ обществомъ и взаимному, нравственно-умственному ихъ воздѣйствію, безъ которыхъ не можетъ человѣкъ правильно и благотворно развиться и совершенствоваться. Мы говоримъ, что онъ положилъ только

начало и основанія; отсюда предоставлялось уже самой жизни выработать изъ своихъ собственныхъ элементовъ для себя самой нравственное и умственное содержаніе. Неужели онъ подлежитъ отвѣтственности за то, что въ самой жизни не нашлось можетъ быть достаточныхъ нравственныхъ основаній, чтобы съ разу установиться такъ, какъ бы требовало того человѣческое достоинство. Что мудренаго, если человѣкъ вырвавшійся на волю изъ вѣчнаго заключенія, поведетъ себя сначала не такъ, какъ бы слѣдовало? Важно то, что въ ассамблеяхъ, равно какъ и другихъ учрежденіяхъ Петра для общественной жизни, было высказано спасительное начало, необходимое для правильнаго и успѣшнаго развитія личныхъ силъ человѣка и отвергнуто начало старое, стѣснявшее это развитіе.

II. УСТАНОВЛЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ НАЧАЛЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА И ЮРИДИЧЕСКОЕ ИХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

А. БРАКЪ.

1. Заключеніе брака.

Но еще болѣе замѣчательны и важны по своему вліянію на семейную нашу жизнь постановленія Петра относительно брака Мы видѣли въ какомъ жалкомъ положеніи находились домочадцы при женидьбѣ или замужествѣ. Отецъ семейства и совѣтъ родственниковъ рѣшали ихъ участь: семья отыскивала невѣсту, семья посылала сватовъ, заключала письменный договоръ, обезпечивала его зарядомъ, потомъ по условію женили или выдавали замужъ на указный срокъ. О согласіи, желаніи, личныхъ чувствахъ самихъ брачущихся не было и рѣчи; они были совершенно

посторонніе люди въ своей участи: сговоренные, законтрактованные видѣлись впервые уже супругами Однимъ словомъ бракъ имѣлъ значеніе договора, со всѣми юридическими его послѣдствіями, —договора заключеннаго между родителями брачущихся. Дѣти, домочадцы вступавшіе въ бракъ, были предметомъ этого договора, какъ всякое другое имущество; они, по старинному нашему выраженію—товаръ; родители—купцы и продавцы. Контрактное воззрѣніе на бракъ идетъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи и было такъ сильно, такъ глубоко укоренено въ духѣ народномъ, что не смотря на постоянное противодѣйствіе со стороны Церкви, которая стремилась усвоить народу христіанскія понятія о бракѣ, оно не только уцѣлѣло до того времени, въ которомъ мы теперь находимся, но и выработало цѣлую свою теорію, ясно выразившуюся въ формахъ, обрядахъ, обычаяхъ, пѣсняхъ, поговоркахъ сопровождавшихъ замужество или женидьбу. (*)

Противъ этого контрактнаго значенія нашихъ браковъ главнѣйшимъ образомъ и вооружаются постановленія Петра.

1. Именнымъ указомъ 1702 г. Апрѣля 3 (**) онъ отмѣняетъ рядныя и сговорныя записи о бракахъ, совершавшіяся крѣпостнымъ порядкомъ, позволяя вмѣсто нихъ писать домовыя поручныя записи о приданомъ; объявляетъ недѣйствительнымъ обрученіе по причинѣ оказавшихся нравственныхъ и тѣлесныхъ недостатковъ жениха или невѣсты или по нежеланію ихъ вступить въ бракъ. „Великій *Государь указомъ*, говоритъ этотъ указъ, *рядныя*

(*) Разборъ книги Терещенка „Бытъ Русскаго народа“, г. Кавелина. Современникъ 1848 года.
(**) Полн. Собр. Зак. Рос. Им. Т. IV. № 1907.

и сговорныя записи отставить, и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а зарядy никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать." Формальная сторона брачнаго договора этимъ постановленіемъ уничтожается совершенно. Съ этого времени, хотя отцы семейства и могли по прежнему распоряжаться браками своихъ дѣтей, но уже не могли своимъ сдѣлкамъ придавать юридической силы: договоръ могъ имѣть мѣсто только относительно имущества, но не лица. На несоблюденіе брачнаго договора въ срокъ родители уже не имѣли права жаловаться и не могли получать удовлетворенія, ибо зарядъ признается недѣйствительнымъ.

„*А буде кто*, продолжаетъ указъ, дочь или сестру, или какую свойственницу или дѣвица, или сама вдова *сговоритъ* замужъ за кого, и *прежде вѣнчанія обрученію быть за шесть недѣль, и буде обручатся, а послѣ сговору и обрученія, женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ же: и въ томъ быть свободѣ*, по правильному святыхъ отецъ разсужденію: обрученіе упражнятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще бы женихъ обручилъ себѣ невѣсту, не узрѣвши ее прежде обрученія и въ самомъ обрученіи, ниже видѣвши подлинно невѣсту сущу неблагообразну, или во удеси коему пагубну повреждениу, мнящи яко красна есть и благообразна, нескорбна и здрава, по обрученіи же аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна и нездрава, можетъ отъ нея быть свободенъ."

Не смотря на то, что этимъ указомъ отнималась у брака контрактная форма, право сговаривать своихъ дѣтей оставалось пока за родителями: о предварительномъ согласіи или несогласіи са-

михъ вступающихъ въ бракъ пока нѣтъ еще рѣчи. Но дѣтямъ уже дается на первый разъ возможность, такъ сказать, оглядѣться въ продолженіи шести недѣль отъ обрученія до вѣнчанія, узнать другъ друга и потомъ, въ случаѣ если они не сойдутся, объявить протестъ и быть свободными отъ немилаго брака. Дать эту возможность было дѣломъ совершенной необходимости, ибо дѣти въ то время не только не имѣли голоса при вступленіи своемъ въ бракъ, но и видѣлись впервые уже супругами А потому по правильному Св. отецъ разсужденію сговоренные освобождались отъ брака только въ томъ случаѣ, если они, невидавши другъ друга ни до, ни во время обрученія, послѣ же обрученія узнавали о какихъ нибудь страшныхъ физическихъ и умственныхъ недостаткахъ, при которыхъ не можетъ быть счастія въ супружеской жизнии. Постановленіе чрезвычайно благодѣтельное для того времени, когда, какъ мы видѣли, совершались такіе возмутительные обманы, о которыхъ пишетъ Котошихинъ! Дѣти спасались отъ убійственнаго несчастія быть супругами такихъ существъ, съ которыми не возможно не только какое нибудь семейное довольство, но даже простое физическое сожитіе. Этимъ указомъ положенъ предѣлъ крайнему семейному несчастію—и это на первый разъ, было чрезвычайно важно, хотя и слишкомъ недостаточно для того, чтобы установить семейную жизнь на правильныхъ человѣческихъ началахъ, и дать ей необходимое законное опредѣленіе.

Этотъ недостатокъ, какъ видно, живо чувствовался, а потому и былъ восполняемъ мало по малу послѣдующими постановленіями Петра, которыя мы будемъ приводить въ хронологической ихъ послѣдовательности.

2., Указомъ 16 Ноября 1702 г. (*) Великій Государь повелѣлъ: «патріаршихъ и архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ крестьянамъ, которые похотятъ у кого всякихъ чиновъ людей въ работѣ сами быть, или *дѣтей своихъ отдавать изъ найма*, на урочные годы: въ работѣ жить и дѣтей своихъ отдавать по записямъ, года *на три и на четыре и на пять лѣтъ, а больше пяти лѣтъ отнюдь ни кому не жить, и дѣтей не отдавать*, и записей и крѣпостей сверхъ тѣхъ урочныхъ лѣтъ не писать, *и на кабальныхъ и на крѣпостныхъ вдовахъ и дѣвкахъ не жениться*, и *дѣтей своихъ не женить*.»—Этотъ указъ служитъ между прочимъ яснымъ опроверженіемъ тому ложно возникшему у насъ мнѣнію, что будто бы Петръ способствовалъ распространенію крѣпостнаго права. Здѣсь, по отношенію къ брачному союзу, важно то, что право состоянія крѣпостнаго сдѣлано условіемъ къ заключенію брака, а именно, здѣсь просвѣчиваетъ мысль, что свободные не могли жениться на крѣпостныхъ. Побудительная причина этого указа состоитъ въ предупрежденіи споровъ на счетъ свободы рожденныхъ отъ таковыхъ браковъ дѣтей. Крѣпостное право въ древности было у насъ несравненно сильнѣе свободы: бракъ былъ однимъ изъ способовъ установленія рабства—по рабѣ холопъ, и по холопу раба. Какъ видно, бракъ съ лицемъ несвободнымъ и во время Петра имѣлъ еще послѣдствіемъ рабство свободнаго супруга или его дѣтей (**). Это страшное послѣдствіе Петръ уничтожаетъ косвеннымъ образомъ, запрещая кресть-

(*) Тамъ же Т. IV. № 1920.
(**) Исторія Россійскихъ Гражд. Законовъ г. Неволина. С. Петербургъ, 1851 г., Т. I, с. 66, 67.

намъ духовнаго вѣдомства вступать въ бракъ съ кабальными и женить на нихъ своихъ дѣтей. Не распространялъ, слѣдовательно, а по возможности стѣснялъ Великій преобразователь крѣпостное право. Уравненіе помѣстій съ вотчинами (*) было дѣломъ необходимымъ, а не свободнаго произволенія Великаго императора: помѣстья и вотчины такъ наконецъ временемъ укрѣпились за помѣщиками, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга безъ нарушенія правъ частной собственности было дѣломъ невозможнымъ. Помѣстья подъ конецъ своего существованія de facto, путемъ жизни, сами собою почти уравнялись съ вотчинами: они переходили по наслѣдству, поступали въ приданое. Долговременное и наслѣдственное владѣніе помѣстьемъ естественно заставляло смотрѣть на него какъ на свою собственность. На помѣстныхъ земляхъ помѣщики строили усадьбы, деревни, села, заселяли пустопорожнія мѣста, учреждали хозяйственныя заведенія, однимъ словомъ тратили на нихъ и трудъ и капиталъ. Возвращая помѣстья въ государственное вѣдомство, необходимо, слѣдовательно, было сдѣлать вознагражденіе помѣщикамъ; а государственные доходы, которыми такъ дорожилъ Петръ, были слишкомъ не значительны. Кромѣ того многіе дворяне не имѣли вотчинъ; помѣстье было для нихъ единственнымъ средствомъ къ жизни; отобрать у нихъ помѣстья значило пустить ихъ поміру.

3., Выше мы замѣтили, что *распространеніе просвѣщенія*, особенно между высшимъ сословіемъ, было постояннымъ, горячимъ стремленіемъ Петра. На пути къ этой цѣли онъ считалъ всѣ сред-

---

(*) Пол. Соб. Зак. Т. V. № 2789, Указъ о единонаслѣдіи 1714. г. Исторія Рос. Гр. Зак. Неволина Т. II с. 257—255.

ства позволенными, а потому ничего не упускалъ изъ виду, что могло содѣйствовать къ достиженію ея. Именнымъ указомъ 1714 года Генваря 20 (*) онъ повелѣваетъ: „послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобъ *учить дворянскихъ дѣтей*, кромѣ однодворцовъ, приказнаго чина *цыфири и геометріи, и положить штрафъ такой, что неволыю будетъ жениться, пока сего выучатся.* И для того о томъ къ архіереямъ о семъ, дабы памятей вѣнчальныхъ не давали безъ соизволенія тѣхъ, которымъ школы приказаны." Въ принятіи этой дѣятельной мѣры Петръ можетъ быть руководился примѣромъ Кормчей (**), которая, установляя возрастъ для вступленія въ бракъ, обусловила его знаніемъ символа вѣры и молитвъ: Отче нашъ, Богородице Дѣво и десяти заповѣдей. Знаніе цыфири и геометріи сдѣлано такимъ образомъ условіемъ для вступленія въ бракъ. Нельзя не замѣтить, что побужденіе сильное, если бы только можно было довѣрять его дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ это замѣчательное постановленіе указываетъ на тотъ уровень умственнаго развитія, на которомъ стояли современники Петра: видно нужны были такія сильныя средства! А потому 28 Февраля тогоже года (***) послѣдовалъ по этому предмету подтвердительный указъ, значительно распространяющій первый. „*Великій Государь указалъ*: во всѣхъ губерніяхъ *дворянскихъ и приказнаго чина, дьячьихъ и подъяческихъ дѣтей* отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, *учить цыфири и нѣкоторую часть геометріи, и для того* ученія

(*) Пол. Соб. Зак. Т. V № 2762.
(**) Кормчая книга. г. 5. ч. 2. л. *198.* на обор.
(***) *Пол.* Собр. Зак. Т. V 2778.

послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ губернію ко архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ *отвесть имъ школы* и во время того ученія тѣмъ учителемъ давать кормовыхъ по 3 алтына по 2 деньги на день, изъ губернскихъ доходовъ, которые по именному Его Царскаго Величества указу отставлены; а съ тѣхъ учениковъ имъ себѣ отнюдь ничего не имать; *а какъ ту науку тѣ ихъ ученики выучатъ совершенно: и въ то время давать имъ свидѣтельствованныя письма за своею рукою*, и во время того отпуску съ тѣхъ учениковъ за то ученіе имать имъ себѣ по рублю съ человѣка; *а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ жениться имъ не допускать, и вѣнечныхъ памятей не давать*."

4., Одно изъ важнѣйшихъ условіи для вступленія въ бракъ—это *возрастъ*, который имѣетъ огромное вліяніе не только на судьбу самыхъ брачущихся, но на ихъ потомство. А между тѣмъ до временъ Петра у насъ не было твердаго, положительнаго опредѣленія возраста для вступленія въ бракъ. Правда, источники нашего древняго права предполагаютъ для сего различные возрасты, а именно: 12, 13 и 15 (Митрополитъ Фотій, Эклога); 14 и 12 (Прохиронъ); 15 и 12 (Стоглавъ); но лѣта эти не соблюдались на самомъ дѣлѣ: наши предки любили рано женить своихъ дѣтей и не обращали вниманія на возрастъ, лишь бы представился добрый случай. Петръ первый обратилъ вниманіе на это важнѣйшее условіе для брака и въ указѣ своемъ 1714 г. Марта 23 о единонаслѣдіи (*) постановляетъ, на первый разъ только

(*) Тамъ же Т. V. № 2789, п. 5.

для лицъ нѣкоторыхъ званій, опредѣленные сроки: младшимъ дѣтямъ дворянъ запрещено вступать въ бракъ мужчинамъ ранѣе 20, женщинамъ ранѣе 17, Гардемаринамъ ранѣе 25 лѣтъ. (*) Хотя для лицъ другихъ сословій его законодательствомъ и не опредѣлено никакихъ сроковъ, тѣмъ не менѣе можно предполагать тайное желаніе Императора, чтобы и они по возможности согласовались съ этимъ возрастомъ. Важно то, что на возрастъ обращено вниманіе государственной власти и что при опредѣленіи его принято въ соображеніе не одно свойство и объемъ правъ и обязанностей человѣка, изъ брачнаго союза истекающихъ, но и естественное, нормальное развитіе сѣвернаго человѣка. Человѣкъ на сѣверѣ, какъ извѣстно, зрѣетъ очень медленно и физически и нравственно; а нигдѣ такъ не нужна зрѣлость физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка, какъ въ бракѣ, гдѣ онъ отецъ, мужъ, собственникъ и гдѣ онъ отвѣчаетъ не только за себя, но за свое семейство. Нельзя не отдать по этому случаю справедливости тому разумному, предусмотрительному пониманію вещей, которымъ былъ одаренъ этотъ всеобъемлющій геній. Установленіе правильнаго, сообразнаго съ климатическими условіями страны и нормальнымъ развитіемъ человѣка, возраста для вступленія въ бракъ есть дѣло великой важности; отъ него зависитъ, можетъ быть, участь цѣлыхъ поколѣній. Пусть же браки заключаются лучше позднѣе обыкновеннаго, нежели раньше.

(*) Тамъ же Т. IV. Регл. Адм. Вер. 1722 г. Апрѣля 5 за № 3977. п. 77: *„запрещается Гардемаринамъ безъ указа жениться* подъ штрафомъ три года быть въ каторжной работѣ. А въ Коллегіи Адмиралтейской не позволять жениться ранѣе двадцати пяти лѣтъ и чтобъ о томъ было подлинное свидѣтельство, дабы въ лѣтахъ подставы и фальши не было."

5., Принимая дѣятельныя мѣры къ искорененію *раскола*, который уже началъ получать политическій характеръ, Петръ, сверхъ общаго побора съ раскольниковъ подвергъ ихъ сначала особымъ штрафамъ, за тайное вѣнчаніе не въ церкви православной. „По полученіи сего указа, (1719 г. Марта 24) (*), говоритъ онъ, раскольниковъ, которые обратились и впредь будутъ обращаться, и такихъ отъ побору денежнаго уволить, дабы на то смотря и другіе обращалися; а которые осталисъ не обратны, съ тѣхъ по прежнему сбирать и къ тому еще съ нихъ же раскольниковъ, которые женятся тайно не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей, наложить особливый сборъ, а именно: рубли по три съ человѣка мужеска и женска пола, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше.“—Потомъ въ 1722 году Мая 15 (**) вышелъ Синодскій указъ, содержащій въ себѣ общія мѣры по обращенію раскольниковъ къ православной церкви. Въ немъ между прочимъ постановлены уже подробныя правила какъ о бракѣ раскольниковъ между собою и съ лицами православными, такъ и о вѣроисповѣданіи дѣтей отъ сихъ послѣднихъ браковъ., *Обоихъ расколъ держащихъ лицъ не вѣнчать*; а если и безъ церковнаго вѣнчанія жить собою станутъ, допросить. И кто вѣнчалъ, или безъ всякаго вѣнчанія живутъ, и того вѣнчавшаго сыскать къ наказанію, да и вѣнчавшіеся, яко своего обѣщанія (которое при записаніи своемъ въ явный расколъ съ роспискою учинили) преступники наказанію подлежатъ. А если сами собою сожитіе свое восприяли, за то ихъ, яко законопреступниковъ явныхъ, звать на судъ архіерей-

(*) Тамъ же Т. V. № 3340.
(**) Тамъ же Т. VI. № 4009

скій; а если же не похотятъ сказать, кто вѣнчалъ ихъ, или безъ всякаго вѣнчанія сжились, то взяты будутъ въ розыскъ. (*) Раскольники, такимъ образомъ, были лишены права вступать въ бракъ не по правиламъ православной церкви; за браки между ними, заключенные по обрядамъ ихъ секты, какъ сами брачущіеся, такъ и вѣнчавшіе ихъ подвергнуты духовному суду; за фактическое же сожитіе они предавались уголовному суду.—Браки раскольниковъ съ лицами православными были дозволены только подъ условіемъ принятія первыми православія: *Въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ, лице раскольничье, православному сопрягаемое, первѣе даприіиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою.*—(**) Что касается до *дѣтей* отъ сихъ браковъ, то они *должны быть крещены въ церкви православнѣй* и лице раскольническое не имѣетъ власти крестить дѣтей, гдѣ хочетъ, подъ жестокимъ наказаніемъ. (***) Равнымъ образомъ и *дѣтей записныхъ раскольниковъ, велѣно было крестить православно* и непремѣнно съ православными воспріемниками. (****) При семъ было постановлено, что, „когда раскольникъ потребуетъ очистительной по рожденіи младенца молитвы: тогда молитву давать и рождшей, ради рожденнаго, и рожденнаго крестить въ церкви, *а у отца взять сказку за порукою и съ роспискою, что учить раскольническихъ преданій и двоеперстнаго сложенія не будетъ*. А когда пройдетъ отроку 7 лѣтъ, дабы представилъ его церкви ко исповѣданію и святыхъ таинъ причащенію; а буде всего того не-

(*) Тамъ же. п. 8.
(**) Тамъ же. п. 7.
(***) Тамъ же п. 3.
(****) Тамъ же п. 4 и 5.

исполнитъ, то подпадаетъ жестокому наказанію, понеже таковой явится явной учитель раскольническій."

6., Переходя отъ одного условія къ другому, мы встрѣчаемся послѣ раскола съ *иновѣріемъ*, на которое также впервые въ царствованіе Петра было обращено вниманіе по отношенію къ браку. Постановленія по сему предмету, вошедшія отчасти и въ сводъ дѣйствующихъ законовъ, чрезвычайно важны по своимъ послѣдствіямъ и особенно замѣчательны въ томъ отношеніи, что ясно указываютъ на тѣ трудности, которыя предстояли Великому преобразователю въ дѣлѣ внутренней реформы. Безпримѣсная славянская кровь и единство религіи суть два великія основанія жизни Русскаго народа. Ими обусловилось все историческое наше существованіе, все наше прошедшее, на нихъ держится наше настоящее, отъ нихъ же зависитъ наше будущее. Отсюда возникло наше единство политическое, нравственное, умственное и т. д.; изъ этихъ элементовъ образовался нашъ народный характеръ, національный духъ, однимъ словомъ все то, чѣмъ живемъ и движимся. „Россіи дано, говоритъ красноречивый Профессоръ Морошкинъ, внѣшнее единство, мужественное племя славянъ, нераздѣленное ни какими мѣстными преградами, никакими сильными разнородцами; Россіи дано внутреннее единство-христіанская вѣра, начало вѣчнаго обновленія и усовершенія народовъ. Утвержденная на сихъ единствахъ, не смотря на всѣ препятствія, встрѣчаемыя ею, не смотря на разрушительное дѣйствіе системы удѣловъ, татарскаго ига, недоброхотства сосѣдей, Россія бодро идетъ къ предназначенной ей цѣли. Терзаемая удѣльными князьями, она воздвигала пастырей церкви умолять враждующихъ

о мирѣ православнаго міра именемъ вѣры и отечества. Потомъ Татары терзали ее своими нашествіями и наѣздами, но и здѣсь сознаніе единства духа и крови отстояло бытіе царства противъ Имперіи, невѣдущей единства. Наконецъ во время междуцарствія недоброхотство сосѣдей и честолюбіе Римскаго двора, подстрекаемыя раздорами безгосударнаго правленія, мечтали погубить Россію,—и встрѣтили страшное побужденіе народнаго сознанія и единства. Россіяне возстали на защиту отечества «яко мужъ единъ» и сокрушили силу своихъ враговъ. Это сознаніе было только въ духѣ народныхъ племенъ и духовенства; оно могло спасать Россію отъ распаденія и порабощенія; но безсильно было вести ее къ дальнѣйшему назначенію, къ высшему благоденствію. Стремленіе къ единству осуществилось гораздо внутреннѣе, дѣйствительнѣе въ лицѣ московскихъ государей: къ племенному и духовному единству пріобщается единство политическое. Іоаннъ III и Іоаннъ IV и мыслятъ и хотятъ исполнить святое желаніе церкви и влеченіе племенъ. Россія неудержимо стремится къ единству царства и народа! Московское самодержавіе запахиваетъ рубежи, срубаетъ грани областей; географическое пространство стянулось въ Кремлѣ, и побѣждающее единство открыло свои дѣйствія на всѣхъ пунктахъ разобщенной Россіи. Псковская правда взлетѣла на воздухъ; Новгородская предана на потокъ и разграбленіе; Рязань и Тверь увлечены всеобщимъ тяготеніемъ событій: сила центральнаго влеченія заставила ихъ вращаться въ сферѣ московскаго владычества. Все потянуло къ Москвѣ! Померкли свѣтлые князья русскихъ городовъ предъ величествомъ царя москсвскаго и всея Россіи! Москва и вся Россія—два образа

единаго могущества! Удѣльныя силы съ ихъ родословными князьями садятся вокругъ священнаго Кремля. Здѣсь Новгородъ и Волга въ гостяхъ и черныхъ тяглецахъ; здѣсь изстаринная храбрость Рязанская и Бѣлозерская, и книжная мудрость Кіева, и работящій смыслъ Владиміра, и художный умъ Суздаля. Все священное и земное сосредоточилось въ Москвѣ; здѣсь единство Россіи въ ея безконечномъ разнообразіи; здѣсь соборное царство, соборный народъ, соборное законодательство!„ (*)

Если таково было значеніе нашей религіи и племянной крови въ общемъ ходѣ нашей народной жизни, то отсюда понятно, что эти же два условія легли и въ основаніи правоспособности каждаго отдѣльнаго лица и всѣхъ вообще. Полноправымъ гражданиномъ Русскаго государства могъ быть только русскій и христіанинъ православнаго грековосточнаго исповѣданія. Это убѣжденіе вышло изъ самаго духа народнаго; оно возникло въ древнѣйшія времена и во всю исторію нашу высказывалось въ большемъ или меньшемъ отчужденіи отъ иностранцевъ. Религіозный фанатизмъ заставилъ смотрѣть русскихъ на иностранцевъ, какъ на людей нечистыхъ, еретиковъ, безбожниковъ, а невѣжество придало имъ характеръ колдуновъ, вѣдуновъ располагающихъ демоническими силами. Эта народная антипатія ко всему чужеземному особенно сильно развилась у насъ въ періодъ непосредственно предшествовавшій Петру, когда иностранцы, приглашаемые Московскими царями, все болѣе и болѣе переселялись въ Россію. Призванные для насажденія у насъ «замор-

(*) Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. Рѣчь Ир. Морошкина. Москва—1839 г. ст. 9, 10.

ской мудрости и искуства,» пользуясь особымъ покровительствомъ государей, они мало по малу сдѣлались ненавистными народу, который не имѣлъ съ ними ничего общаго, видѣлъ въ нихъ разрушителей роднаго порядка вещей, грѣховныхъ нововводителей. Преобразованія Петра, которыя задуманы были и приводились въ исполненіе не только подъ вліяніемъ европейскихъ идей, но и чрезъ иностранцевъ, еще болѣе ожесточили противъ нихъ народъ и вызвали враждебную оппозицію. Даже самъ Петръ не избѣжалъ нареканія— невѣжество записало его во враги отечества, отступника отъ вѣры отцевъ, гонителя древняго православія.... И при такихъ условіяхъ ему суждено было, наперекоръ общенародному убѣжденію коснуться самаго опаснаго, щекотливаго вопроса въ народной жизни по отношенію къ иностранцамъ, а именно дать имъ право на бракъ съ православными. Тѣмъ не менѣе Петръ не отступилъ отъ рѣшенія и этаго вопроса, ибо въ немъ настояла государственная потребность. Иностранцевъ, вызванныхъ предшественниками Петра и имъ самимъ въ Россіи было уже много; къ нимъ присоединились плѣнные Шведы, изъ которыхъ многіе поступили на службу, а нѣкоторые оказались годными для горнаго дѣла. Не имѣя возможности «достать себѣ женъ своей вѣры,« между тѣмъ какъ »русскихъ женъ имъ не давали, опи опасались вступать въ русскую службу, поступать на горные заводы и заниматься торговлею и промыслами. А такъ какъ« въ чужихъ краяхъ въ рудныхъ дѣлахъ гораздо искусныхъ людей достать трудно, и мало такихъ сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои домы и промыслы, и въ Россію пошли въ службы, а инде опымъ въ выѣздѣ въ службу въ Россію отъ Потентатовъ ихъ и не безъ за-

прещенія,—то вслѣдствіе этихъ "уваженій Бергъ-Коллегія и вошла въ Святѣйшій Синодъ съ доношеніемъ, прося его разрѣшенія на браки русскихъ женщинъ съ плѣнными Шведами. „По сему *Святѣйшій Правительствующій Синодъ приговорили: Шведскимъ плѣннымъ, находящимся въ Сибирской губерніи, которые обязались или впредь обяжутся присягою на вѣчную службу* **Его Царскаго Величества** *позволить жениться на русскихъ дѣвкахъ и вдовахъ, безъ премѣненія вѣры ихъ, на слѣдующемъ условіи:* а до брака взять у нихъ (Шведовъ) сказку зарукою, подъ штрафомъ жестокаго истязанія, что они, 1-е) *жену* свою ни прельщеніемъ, ни угрозами, никакими видами въ *вѣру свою приводить не будутъ*, ниже дѣлать ей укоризны за содержаніе православной вѣры; 2.) *дѣтей своихъ* мужескаго и женскаго пола будутъ *крестить въ православную вѣру* россійскаго исповѣданія, и какъ въ младенчествѣ, такъ и въ совершенномъ возрастѣ обучать ихъ всякому православному церкви Восточной обычаю. 6.) Священники, которые будутъ имѣть въ своемъ приходѣ такихъ иновѣрцевъ, подъ страхомъ лишенія своего сана, обязаны наблюдать, чтобы противнаго сему запрещенію (обереженію) ничего не дѣлалось, и чтобы православныя жены бывали у исповѣди и св. причастія, которому пріобщали бы и дѣтей своихъ по достиженіи ими семилѣтняго возраста. (*)

Не смотря однако на то, что со стороны духовной власти были приняты эти мѣры противъ совращенія православныхъ женъ и дѣтей отъ нихъ въ иновѣріе, Святѣйшій Синодъ нашелъ необходимымъ присоединить къ изложенному нами ука-

---

(*) Пол. Соб. Зак. Т. VI, Синод. Ук. 1721 г. июля 23, № 3798.

зу и свое пастырское посланіе къ православнымъ, въ которомъ онъ старается объяснить по какимъ причинамъ браки съ иновѣрными прежде запрещались Церковью, а теперь разрѣшаются. (*)

«Такъ какъ бракъ православнаго съ иновѣрнымъ, говоритъ Синодъ въ этомъ посланіи, есть дѣло не безъ сомнительства совѣсти, ибо какъ въ ветхомъ, такъ и новомъ завѣтѣ есть заповѣди запрещающія его, то Правительствующій Духовный Синодъ, смотря на нѣкія главныя таковыхъ браковъ вины и нужды въ россійскомъ государствѣ, и желая подать врачество бываемому о семъ недоумѣнію простосердечныхъ, но немощныхъ и въ ученіи неискусныхъ человѣкъ, судилъ за должность свою ясно протолковать, коихъ ради винъ браки съ невѣрными или иновѣрцыми христіанами запрещаются.

Вѣдати же къ сему подобаетъ, что бракъ вѣрнаго мужа съ женою не точію иновѣрною, но и весьма невѣрною, такожде и жены вѣрной съ невѣрнымъ мужемъ, не есть самъ собою не чистъ, или богомерскъ, и лице вѣрное самимъ ложа сообщеніемъ оскверняющій.» Въ доказательство этого положенія Синодъ ссылается на посланія Св. Апостолъ и ученіе Св. отцевъ Церкви, изъ которыхъ видно, что таковые браки запрещались только изъ опасенія, чтобы и вѣрное лице не совратилося къ зловѣрію невѣрнаго, или иновѣрнаго своего подружія.—Если же браки сіи запрещаются только на этомъ основаніи, продолжаетъ посланіе, то, очевидно, «когда будетъ сильное и довольное оберегательство, дабы вѣрное лице не совратилося къ невѣрію, или иновѣрію своего по-

(*) Тамъ же Т. VI. Посланіе Свят. Синода къ православнымъ, 1721 г. Августа 18, № 3814.

дружія: тогда безъ всякаго сумнительства можетъ върное лице съ невърнымъ или иновърнымъ сочетатися.“ Въ заключеніе своего толкованія Синодъ приводитъ примъры браковъ съ иновърными и невърными изъ священнаго писанія, исторіи греческо-христіанскихъ и словено-христіанскихъ государствъ.

Браки православныхъ женъ съ иновърными мужьями были впрочемъ дѣйствительны только въ Россіи. А потому, когда дозволено было плѣннымъ Шведамъ, буде они пожелаютъ, возвратиться въ отечество, то православныхъ женъ съ ними не отпускали. Давая плѣннымъ свободу, съ нихъ брали сказки въ томъ, желаютъ ли они возвратиться къ своимъ женамъ или нѣтъ? если они въ теченіи урочнаго срока невозвращались, то бракъ расторгался. (*)

На сихъ же основаніяхъ дозволено было и въ Выборгѣ вдовамъ и дѣвкамъ идти замужъ за пріѣзжихъ изъ Швеціи, съ тѣмъ только, чтобы и самыхъ Шведовъ, которые приняли греко-россійскую вѣру, обратно изъ Выборга не отпускать. (**)

7. Освобождая гражданское лицо отъ всякаго рода стѣсненій и произвола со стороны частныхъ лицъ, Петръ подвергалъ его во всѣхъ сферахъ его жизни и дѣятельности одному ограниченію и подчиненію—общественному благу и пользѣ государственной. По мысли Великаго Петра человѣкъ созданъ прежде всего для общаго блага, для служенія государству и человѣчеству и уже потомъ для самаго себя. Это возвышенное, хотя можетъ быть не со всѣмъ правильное убѣжденіе Петръ про-

(*) Тамъ же Т. VI. Имян. Ук. 1721 г. Окт. 21., № 3839. п. 4.
(**) Тамъ же Т. VII. Сенат. Ук. 1723 г. Мая 28., № 4234.

водилъ чрезъ все свое законодательство и осуществилъ собственнымъ своимъ примѣромъ. Жить, мыслить и дѣйствовать съ полнымъ самоотреченіемъ и отданіемъ для дорогой ему Россіи—вотъ великая задача, которую взложилъ онъ на себя и выполнялъ свято до конца. И не было для него ничего священнѣе, ближе, выше благоденствія его подданныхъ, могущества и славы Россіи, которымъ онъ принесъ въ жертву и самаго себя и своихъ кровныхъ, близкихъ.—Такого же самоотреченія, полнаго отданія благу своихъ братіи требовалъ Петръ и отъ своихъ подданныхъ. ,,Онъ не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы и забылъ, что мы плоть и кровь. Онъ былъ великъ и силенъ; и мы родились и малы и худы —намъ нужны были общіе человѣческіе уставы» (*) Онъ думалъ, что и мы, какъ онъ, можемъ отречься отъ своихъ дѣтей и оставить наслѣдіе достойнѣйшему!—Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на Именный указъ Его Величества 1722 г. Апрѣля 6 дня, (**) которымъ онъ дуракамъ запрещаетъ жениться и лишаетъ ихъ имущественныхъ правъ. ,,Понеже какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе не смотря на нихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за овыхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно, къ тому жъ и оное имѣніе, получа безпутно, расточаютъ, а подданныхъ бьютъ и мучатъ, и смертныя убійства чинятъ, и

(*) Рѣчь объ уложеніи Г. Морошкина.
(**) Пол. Соб. Зак. Т. VI № 3949.

подвижимое въ пустоту приводятъ: того ради повелѣваемъ, какъ вышнихъ, такъ нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть, или и впредь будутъ таковые, о такихъ подавать извѣстіе въ Сенатъ, а въ Сенатѣ свидѣтельствовать; и буде по свидѣтельству явятся *таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ идтишь не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать;* и деревень наслѣдственныхъ и ни какихъ за ними не справливать, а велѣть вѣдать такія деревни по приказной запискѣ, и ихъ негодныхъ съ тѣхъ деревень кормить, и снабдѣвать ближнимъ ихъ родственникамъ, а буде родственниковъ не будетъ, то ближнимъ же ихъ свойственникамъ."

8. Со времень же Петра въ нѣкоторыхъ случаяхъ подтверждено, а въ нѣкоторыхъ вновь установлено, какъ условіе для вступленія въ бракъ и *дозволеніе отъ начальства* и властей. Условіе это, впрочемъ, не возведено въ общее правило, но является пока въ видѣ частныхъ постановленій для лицъ извѣстныхъ званій. Такъ сперва запрещено было жениться безъ указа Адмиралтейской Коллегіи Гардемаринамъ, подъ штрафомъ три года быть въ каторжной работѣ. (*) Потомъ Сенатскимъ указомъ 1723 г. повелѣно было, подтвердить крѣпкими указами, *чтобы никто* (изъ людей военнаго вѣдомства) будучи на квартирахъ, на дворахъ, *на крестьянскихъ вдовахъ и дѣвкахъ безъ вѣдома помѣщиковъ и безъ отпускныхъ писемъ отнюдь не женился,* (**)Въ слѣдующемъ за симъ, 1724 году Плакатомъ о сборѣ подушныхъ денегъ, постановленіе это между прочимъ дополнено тѣмъ,

---

(*) См. выше примѣч. (*) на стр. 67.

(**) Пол. Соб. Зак. Т. VII, № 4294.

что *помѣщикъ таковой вдовы и дѣвки*, которая за кого похочетъ выдтить замужъ, *ее не долженъ удерживать*, ежели тотъ, кто ее беретъ, заплатитъ выводъ противъ того, какъ въ другихъ мѣстахъ обыкновенно его берутъ." (*) Въ семъ же Плакатѣ постановлено ограниченіе относительно вступленія въ бракъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые по срочному отпуску отъ своихъ господъ поступили на заводы. „На всѣхъ заводахъ, а особливо въ Сибири, таковыхъ работниковъ жениться не допущать; а ежели женится, то должно его и съ женою выслать на прежнее его жилище; ежели жъ изъ таковыхъ, бывъ при заводахъ, обучится какому либо искуству, и промышленнику или на государевыхъ заводахъ весьма нуженъ будетъ, то долженъ оный, не допущая показаннаго въ отпускной сроку, заплатить помѣщику цѣну по указу 50 рублевъ; а ежели до сроку той цѣны не заплатитъ и удержитъ, за то, кто удержалъ повиненъ будетъ отвѣтствовать равно, какъ за бѣглова, а именно: на партикулярныхъ заводахъ промышленникъ, а на государственныхъ управитель."

9 Но разсматривая бракъ, какъ гражданское установленіе, и опредѣляя необходимыя по духу времени условія для заключенія его, законодательство Петра наконецъ убѣдилось въ необходимости коснуться самой существенной его стороны, самаго основанія брака. Бракъ, какъ естественное общеніе двухъ половъ человѣческаго рода, прежде всего основывается и держится на взаимномъ сочувствіи лицъ, въ него вступающихъ; сочувствіи, которое возникаетъ само собою вслѣд-

(*) Тамъ же Т. VII. № 4533. п. 5.—№ 4535. п. 15.

ствіе притяженія двухъ организмовъ, (часто безъ прямой воли и согласія самихъ вступающихъ въ бракъ). Влеченіе это дѣло непроизвольное, естественное, данное натурой, которому человѣкъ едвали противиться можетъ, а тѣмъ болѣе лицо постороннее этому влеченію. Если бракъ, такимъ образомъ, присущъ натурѣ человѣка, условливается притягательнымъ сродствомъ двухъ организмовъ различныхъ половъ, то тамъ, слѣдовательно, гдѣ нѣтъ этого кореннаго сродства, гдѣ нѣтъ взаимнаго влеченія двухъ существъ, тамъ нѣтъ и не должно быть брака. Создать бракъ искуственно или насильственно значитъ обречь двухъ людей на вѣчную муку и страданія, которыя гибельно обрушатся и на несчастное ихъ потомство. Какое ручательство за чистоту супружескихъ отношеній, за любовь къ дѣтямъ, если мужъ и жена не навистны другъ-другу? Первое главное не только условіе, но даже основаніе брака—это взаимное сочувствіе вступающихъ въ него лицъ, обыкновенно выражающееся въ свободномъ, непринужденномъ согласіи ихъ на бракъ. Только на этомъ основаніи и освящается бракъ христіанскою религіею и законодательствомъ, которыя требуютъ для человѣка права полной свободы въ избраніи супруга. Лишить человѣка этого драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ его правъ, значитъ не признать въ немъ не только человѣческаго, но даже животнаго достоинства, ибо право размножаться по законамъ своей натуры есть общій, основной законъ всего живосущаго. А между тѣмъ этого права былъ лишенъ человѣкъ допетровской руси; по обычаю браками распоряжались или родители или господа, безъ всякаго участія со стороны самихъ вступающихъ въ бракъ.

Этотъ-то тяжелый, убійственный для человѣка

обычай и старался искоренить Петръ мѣрами законодательными, административными, своимъ собственнымъ примѣромъ и личными убѣжденіями. Выше мы видѣли, что вскрывая замкнутость нашего семейнаго быта и возстановляя затерянное въ древней Руси единеніе половъ, посредствомъ учрежденія общественныхъ собраній, онъ имѣлъ между прочимъ и цѣль противодѣйствовать тѣмъ страшнымъ обманамъ въ заключеніи браковъ, которые основывались именно на непроницаемости нашего семейнаго быта, на вѣчномъ удаленіи и закрытіи женскаго пола. Въ дополненіе къ этимъ административнымъ мѣрамъ указомъ 1702 года Петръ предоставилъ сговореннымъ право отказываться отъ брака, если они послѣ сговора въ теченіи 6 недѣль отъ обрученія до вѣнчанія узнаютъ другъ за другомъ такія недостатки, при которыхъ не возможно ихъ супружеское счастіе. Но какъ видно, этого права было не достаточно, для обезпеченія свободы вступленія въ бракъ, ибо страшная, почти безграничная отеческая власть уничтожила всякую возможность пользоваться этимъ правомъ. Притомъ же, по общему народному убѣжденію, противиться волѣ родительской во всякомъ случаѣ считалось не только грѣхомъ, но и преступленіемъ. Понятно поэтому, что иные дѣти изъ страха, другіе изъ стыда не рѣшались противиться волѣ родительской и невольные браки на самомъ дѣлѣ продолжали существовать. Вслѣдствіе этого и былъ изданъ въ 1724 году Синодскій указъ, которымъ принудительные браки, не только между дѣтьми, но и рабами, были объявлены окончательно недѣйствительными, подъ угрозою родителямъ и господамъ быть подвергнутыми тяжкому штрафованію. Но такъ какъ этотъ указъ, замыкая собою рядъ постановленій о

бракѣ, по существу своему относится къ ограниченіямъ власти родительской, то мы и разсмотримъ его ниже болѣе подробно.

2. Совершеніе брака.

Опредѣливши условія, при которыхъ бракъ можетъ имѣть юридическую силу, какъ гражданское установленіе, Петръ не оставилъ безъ вниманія и обрядовую часть его—совершеніе. Хотя совершеніе брака, какъ таинства, и есть собственно дѣло Церкви, а потому главнымъ образомъ оно и опредѣляется постановленіями каноническими, но такъ какъ бракъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и свою гражданскую сторону, то и совершеніе его требуетъ со стороны государственной власти дополнительныхъ постановленій, которыми бы укрѣплялся этотъ важнѣйшій союзъ человѣческой жизни. Между тѣмъ до Петра таковыхъ постановленій почти не было, ибо всѣ семейныя дѣла предоставлены были вѣдомству Церкви, которая заботилась преимущественно о томъ, чтобы совершеніе брака происходило согласно каноническимъ постановленіямъ, мало обращая вниманія на гражданскую сторону брака. Выше мы видѣли, что во время свадьбы священнику, который долженъ былъ вѣнчать, давалось отъ патріарха и властей письменное приказаніе, такъ называемая вѣнечная память, чтобы онъ прежде вѣнчанія розыскалъ: не состоятъ ли брачущіеся въ кумовствѣ, сватовствѣ, крестномъ братствѣ, свойствѣ 6 и даже 7 колѣна (степени) и не вступаетъ ли кто нибудь изъ нихъ въ четвертый бракъ? о исполненіи ими другихъ какихъ либо условій вѣнчающій священникъ не обязанъ былъ заботиться, тѣмъ болѣе, что на счетъ ихъ со стороны свѣтской власти не было сдѣлано никакихъ постановленій. Но когда

Петръ, подвергнувъ заключеніе брака разсмотрѣнію, опредѣлилъ и гражданскія его условія, то уже необходимо было сдѣлать постановленія и относительно совершенія брака.

Выше мы видѣли, что указомъ 1702 г. Апрѣля 3-го, онъ уничтожилъ контрактное значеніе, нашихъ браковъ, отмѣнивъ рядныя и сговорныя записи, которыя совершились крѣпостнымъ порядкомъ прежде совершенія брака по (правиламъ церковнымъ) обрядамъ церкви. Вмѣсто этихъ записей онъ позволилъ писать только росписи приданому, и *назначилъ за 6 недѣль до вѣнчанія быть обрученію.* Сговоръ, такимъ образомъ, могъ уже имѣть обязательную юридическую силу только относительно имущества но не лица, въ огражденіе коего сдѣлано было постановленіе, что обрученіе по правильному Святыхъ Отецъ разсужденію, не можетъ имѣть безусловной силы безъ окончательнаго согласія на бракъ самихъ вступающихъ въ него.

За симъ относительно совершенія брака Петромъ были изданы слѣдующія узаконенія въ дополненіе къ прежде-дѣйствовавшимъ:

1. Сенатскимъ указомъ 1719 г. Іюля 3-го повелѣно греко-россійскимъ священникамъ соблюдать при крещеніи и бракѣ Арміянъ правила церковныя и чтобы въ противность имъ ничего чиннаго небыло. (*)

2. Въ Духовномъ Регламентѣ 1721 года Генваря 25 между прочимъ постановлены правила о сомнительныхъ бракахъ: „Но наипаче мірскимъ особамъ многія случаются трудности въ сомнительныхъ бракахъ, и того ради, если таковое ему случится сомнительство, то не дерзалъ бы онаго

(*) Тамъ же Т. V. № 3400.

тать передъ священникомъ. А священникъ, если и самъ сомнѣвается, не дерзалъ бы скоро вѣнчать, но относить дѣло оное къ разсужденію епископа. Но и епископъ отсылалъ бы къ духовному Коллегіумъ, если и онъ самъ рѣшить недоумѣетъ.

И для чиннаго извѣстнаго таковыхъ трудностей рѣшенія надлежитъ Коллегомъ духовнымъ, избравъ собственное время, довольно поговорить о нихъ, и на всякую трудность написать рѣшеніе крѣпкое отъ Священнаго писанія, и отъ разсужденія славныхъ древнихъ учителей, также и отъ уставовъ царскихъ.

А хотя бы и не сумнительный бракъ чій мнился быть, обаче не подобаетъ вѣнчатися во ономъ приходѣ, въ которомъ ни женихъ, ниже невѣста живетъ, кольми паче во иной епископіи вѣнчатися не подобаетъ. Тако жъ и не звать изъ чужаго прихода или епархіи священниковъ на вѣнчаніе, ибо сіе, кромѣ укоризны своихъ пастырей, еще являетъ, что такъ женящійся въ подозрѣніи суть неправильнаго сочетанія." (*)

3, Но важнѣйшимъ постановленіемъ Петра относительно совершенія или лучше сказать укрѣпленія браковъ были его узаконенія о заведеніи при церквахъ метрическихъ книгъ. Хотя мысль о метрическихъ книгахъ возникла еще на Московскомъ соборѣ 1666 года, однимъ изъ постановленій котораго повелѣвалось всѣмъ священникамъ имѣть при церквахъ 4 книги для записки въ нихъ крещаемыхъ, вступавшихъ въ бракъ, живыхъ прихожанъ и умершихъ, тѣмъ не менѣе распоряженіе это не имѣло исполненія. По этому въ 29

(*) Тамъ же Т. VI. № 3718. Дух. Регл. ч. II. о мір. особ. §§ 11. 12.

пунктѣ прибавленія къ Духовному Регламенту 1722 года было постановлено: ,,Отнынѣ священники должны имѣть у себя такъ называемыя метрическія книги для записанія въ нихъ года и дня рожденія и крещенія младенцовъ, съ наименованіемъ родителей ихъ и воспріемниковъ. Младенцы, умершіе безъ крещенія, должны быть записываемы съ обозначеніемъ причины, почему они лишены были крещенія. Въ этихъ же книгахъ записывать какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и умершихъ съ обозначеніемъ, что сіи послѣдніе отошли съ покаяніемъ и погребены по обрядамъ христіанской Церкви; ежели же кто нибудь умретъ безъ покаянія и не будетъ погребенъ, то означать причину, почему онъ лишенъ христіанскаго погребенія. Книги эти ежегодно представлять въ Архіерейскій приказъ, которому, о числѣ родившихся и умершихъ доносить чрезъ каждые четыре мѣсяца: Приказъ же обязанъ увѣдомлять объ этомъ Синодъ. (*) Но такъ какъ и это постановленіе не было исполняемо, то и послѣдовалъ подтвердительный указъ Синода 1724 года Февраля 20: ,,Святѣйшій Синодъ, говоритъ этотъ указъ, требуя вѣдать о количествѣ всего Россійскаго государства людей, рождающихся и въ брачное супружество совокупляющихся и умирающихъ, о каковыхъ хотя по прежнимъ Его Величества указамъ вездѣ священникамъ книги имѣть и въ должное правительство присылать и повелѣно, но присылки ни откуда въ Синодѣ не видно, согласно приговорили: послать изъ Синода такіе указы, чтобъ записные онымъ людямъ имянныя книги въ епархіяхъ по приходамъ священно-служителями содержимы были обстоятельство, а съ тѣхъ

(*) Тамъ же. № *4022*.

книгъ присылали бы ко архіереямъ отъ закащиковъ перечневые экстракты повсегодно, а съ тѣхъ экстрактовъ чинены были епархіальныя табели и впредь таковыя табели по прошествіи каждаго года въ генварѣ мѣсяцѣ присылать неотложно; а какимъ образомъ оныя книги содержать и экстрактъ и табели присылать, тому сочинены въ Синодѣ формы." (*)

3. Прекращеніе брака.

До Петра Великаго относительно прекращенія брака дѣйствовали у насъ частію каноническія постановленія греческой церкви, частію же гражданскіе законы Греческихъ императоровъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе, хотя и признавали, что бракъ прекращается во 1-хъ смертію физическою и во 2-хъ разводомъ, тѣмъ не менѣе не были строго соглашены между собою и часто противорѣчили другъ другу. Къ тому же, съ одной стороны вслѣдствіе неопредѣленности, а съ другой—вслѣдствіе особенностей нашего народнаго быта, Греческія постановленія не могли имѣть правильнаго примѣненія, а потому и подвергались различнымъ толкованіямъ, смотря по личному взгляду той изъ духовныхъ властей, которой предстоялъ случай рѣшить встрѣтившійся вопросъ. Слѣдствіемъ такого состоянія законодательства относительно прекращенія брака было то, что въ дѣлахъ развода у насъ сильно дѣйствовалъ произволъ. Если ко всему этому присоединить то договорное воззрѣніе на бракъ, а слѣдовательно и на свободное его расторженіе, которое имѣли, какъ мы видѣли, наши предки, то мы поймемъ, какая насущная настояла потреб-

(*) Тамъ же № 4480.

ность въ болѣе точныхъ и правильныхъ законныхъ опредѣленіяхъ по сему предмету.

Постановленія Петра относительно прекращенія брака также важны и благодѣтельны, какъ и постановленія его относительно другихъ сторонъ нашей семейной жизни. Такъ:

1. Въ Воинскомъ уставѣ, 1716 года марта 30, Арт. 171 и 172 (*) онъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія о двойныхъ бракахъ: „кто при живой женѣ на другой сочетается бракомъ, и такимъ образомъ будетъ имѣть двѣ жены, тотъ подвергается суду по церковнымъ правиламъ. А ежели супругъ, или хотя супруга къ тому обмануты, въ супружество вступитъ съ тѣмъ, кто уже женатъ, оный отъ всякаго наказанія уволенъ, и въ прежней чести и достоинствѣ содержимъ будетъ.“ Наказанію, слѣдовательно, подвергалось только виновное лицо, которое завѣдомо вступало во второй бракъ при существованіи прежняго, а невинное—освобождалось отъ всякой отвѣтственности. Это общее положеніе примѣнено было, какъ сейчасъ увидимъ, и къ бракамъ, заключеннымъ въ слѣдствіе побѣга одного изъ супруговъ.

2. До Петра Великаго въ случаѣ ссылки мужа за преступленіе жена должна была слѣдовать за осужденнымъ, Петръ, сдѣлавши различіе между временною и вѣчною ссылкою, указомъ 1720 года августа 16 постановилъ, что бракъ ссылкою мужа въ вѣчную каторжную работу прекращается совершено: женъ такихъ ссыльныхъ велѣно считать свободными отъ брака; они могли вступать въ новое супружество, постригаться въ монастырь, жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ, какъ будто-бы мужья ихъ умерли. (**)

(*) Тамъ же Т. V. № 3006.
(**) Тамъ же Т. VI. № 3628.

3 Высочайшими резолюціями, на докладные пункты Синода 1722 года апрѣля 12 (*) состоявшимися, дѣла о разводахъ предоставлены были вѣдомству Синода, при чемъ причинами къ разводу были признаны:

1. Прелюбодѣяніе.

2. Побѣги супруговъ и самовольныя другъ отъ друга отлучки—т. е. безвѣстное отсутствіе.

3. Выходъ женъ въ отсутствіе мужей за другихъ.

4. Тѣже вины со стороны мужей.

Чтобы вполнѣ понять значеніе этаго постановленія, стоитъ только припомнить, что браки у насъ, при неопредѣленности причинъ и подсудности развода, разторгались весьма безпорядочно: Разводныя письма давались не только высшими духовными властями, какъ то: патріархомъ, митрополитами, епископами, но даже священно-и церковнослужителями, которымъ только въ 1767 году окончательно запрещено было писать ихъ.

Но установляя подсудность дѣлъ о разводѣ и обозначая законныя къ нему причины, законодательство Петра съ другой стороны стремилось во 1-хъ уничтожить тѣ изъ этихъ причинъ, которыя были противны духу христіанскаго ученія, и во 2-хъ опредѣлить порядокъ производства дѣлъ о разводахъ. А потому Прибавленіе къ Духовному Регламенту 1722 гола, (**) въ отдѣлѣ „о монахахъ" содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія постановленія:

п. 4. *Не принимать въ монахи мужа отъ живой жены.* Обычай же есть таковъ, что супруги заключаютъ между собою условіе, чтобы мужъ

(*) Тамъ же Т. VI № *5963.*
(**) Тамъ же Т. VI № *4022.*

постригся въ монахи, а жена была свободна выдти замужъ. Хотя такой разводъ и кажется простымъ людямъ правильнымъ, тѣмъ не менѣе онъ противенъ слову божію, если только для одной этой причины дѣлается Но если бы даже существовала и достаточная причина къ разводу, то все-таки мужъ съ женою не должны расходиться самовольно, а обязаны просить о разводѣ своего епископа, который, обстоятельно изслѣдовавши дѣло, долженъ представить его на обсужденіе и опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, безъ резолюціи коего разводить браки запрещается.

п. 5. Если бы оба супруга пожелали вступить въ монашество, то въ такомъ случаѣ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, должно обращать вниманіе на то, достигла ли жена 50 или 60 лѣтъ, нѣтъ ли у супруговъ желающихъ вступить въ монашество дѣтей и если есть, то въ какомъ положеніи они оставляютъ ихъ.

5. Наконецъ къ изложеннымъ постановленіямъ о прекращеніи брака въ Синодскомъ указѣ 1723 года марта 22 (*) сдѣланы были дополненія:

1. Женъ, отрѣшенныхъ отъ мужей за правильныя вины, въ монашество не постригать, а подвергать ихъ наказанію на мѣстѣ вины и ссылать на прядильный дворъ. Что же касается до мужей ихъ, требующихъ позволенія на вступленіе во второй бракъ, то объ нихъ судить по церковнымъ правиламъ.

2. Дѣла о мужьяхъ, которые, оставя за побѣгъ женъ своихъ, женятся на другихъ, также и о женахъ, которыя, оставя по той же причинѣ мужей

(*) Тамъ же Т. VII. № 4190.

своихъ, посягнутъ за другихъ, рѣшать по церковнымъ правиламъ, изслѣдовавъ предварительно, кто изъ нихъ болѣе виноватъ.. А именно: судъ о мужьяхъ, которые во время побѣга женъ своихъ вступятъ въ иное супружество, производить по правиламъ церкви, достаточно изслѣдовавши, не оставленный ли супругъ былъ причиною побѣга другаго? Если онъ окажется невиннымъ, то лицу бѣжавшему отказывать въ бракѣ и вступившаго въ бракъ съ оставленнымъ супругомъ не отлучать. Если же напротивъ по изслѣдованію откроется вина (напримѣръ, умыселъ на жизнь или другія преступленія, которыя означены въ церковныхъ правилахъ или царскихъ указахъ) за оставленнымъ супругомъ, то въ такомъ случаѣ его отъ брака устранить, оставляя дѣйствительнымъ вновь заключенный бракъ покинувшаго супруга. Судъ о женахъ, которыя, оставя мужей своихъ, выйдутъ за другихъ,—потребуютъ ли съ ними сожитія ихъ первые мужья или не потребуютъ,-производить также по правиламъ Церкви, на вышеизложенномъ основаніи.

3. Супруговъ, желающихъ разлучиться по болѣзни, безъ синодальнаго разсужденія отнюдь не разводить и непостригать; но, изслѣдовавши дѣло и освидѣтельствовавши чрезъ докторовъ болѣзни, присылать въ Синодъ вмѣстѣ съ доношеніемъ письменное свидѣтельство и ожидать синодальнаго рѣшенія.

Соображая теперь всѣ приведенныя нами постановленія о бракѣ въ общей ихъ совокупности, мы видимъ, что только со временъ Петра бракъ получилъ у насъ гражданское установленіе, какъ союзъ основанный на самой природѣ человѣческой, слѣдовательно необходимый, а не произвольный и по этому освящаемый религіею, какъ та-

ниство. До сего же времени, по общему народному воззрѣнію бракъ считался чисто дѣломъ частнымъ, получилъ значеніе гражданской сдѣлки, договора въ полномъ смыслѣ этаго слово, съ перенесеніемъ на него всѣхъ контрактныхъ условій, какъ относительно заключенія его, такъ совершенія и прекращенія. Такое воззрѣніе на бракъ было; во 1-хъ, противоестественно, ибо противорѣчило существу человѣческой природы, которая стремится къ брачному сожитію не во имя какихъ нибудь внѣшнихъ цѣлей, а въ слѣдствіе внутренняго велѣнія; во 2-хъ, оно было не согласно съ духомъ христіанскаго ученія и каноническихъ постановленій, которыя видятъ въ бракѣ таинство. Отсюда понятно какія послѣдствія для семейной жизни влекло за собою подобное пониманіе брака. Какъ гражданская сдѣлка, договоръ, бракъ заключился для какихъ нибудь внѣшнихъ ему цѣлей, которыя были различны, смотря по временнымъ и мѣстнымъ потребностямъ извѣстнаго родства, отечества, какъ говорили въ то время. Въ общемъ же результатѣ всѣхъ цѣлей было одно—упроченіе такъ или иначе матеріальнаго благосостоянія: »для щей люди женятся«, говоритъ русская пословица. О духовной сторонѣ брака, о нравственныхъ потребностяхъ въ немъ—не было рѣчи: для этого еще слишкомъ грубъ былъ человѣкъ старой Руси. Понятно поэтому и то значеніе, которое имѣла для него жена; она служанка, работница своего мужа. Само собою разумѣется, что женщина, лишенная правъ жены, нарушала и свои супружескія обязанности. Поэтому, если справедливо, что для щей люди женятся, то справедливо и то, что »для добрыхъ женъ постригаются«. Контрактное, грубое воззрѣніе на бракъ, слѣдовательно, вело за собою деморали-

зацію семейнаго быта. Религіозное освященіе брака-вѣнчаніе неимѣло въ глазахъ народа большаго значенія; оно еще такъ не давно вошло во всеобщее обыкновеніе. Жалобы духовенства на не соблюденіе при бракѣ священнаго вѣнчанія восходятъ до позднѣйшаго времени, а именно до половины 16-го вѣка (*). Если теперь самый обрядъ совершенія брака считался болѣе дѣломъ формальности, то спрашивается, какую же силу имѣли другія каноническія требованія церкви? Вполнѣ ли зависѣла отъ соблюденія ихъ законность брака, чѣмъ опредѣлялось это понятіе законности и чѣмъ гарантировалось оно? Но если бракъ есть гражданская сдѣлка, говоръ, основанный на произволѣ договаривающихся сторонъ или ихъ кровныхъ представителей, то очевидно, что въ немъ не могло быть ничего прочнаго: какъ скоро цѣль, которая имѣлась въ виду при заключеніи брака, не достигалась, то бракъ прекращался. И дѣйствительно у насъ господствовалъ произволъ въ расторженіи браковъ, относительно котораго не было постановлено твердыхъ правилъ со стороны положительнаго закона. Не было опредѣлено ни подсудности дѣлъ о разводѣ, ни законныхъ причинъ къ нему, ни порядка производства.

Если ко всему вышесказанному мы приведемъ себѣ на память картину нашего семейнаго быта оставленную намъ Котошихинымъ, жестокость обращенія отцовъ семействъ съ домочадцами, о которой свидѣтельствуютъ Сильвестръ и другіе писатели о Россіи, то мы вполнѣ поймемъ и оцѣнимъ законодательство Петра относительно брака. Оно, 1-е, установило бракъ на его естественномъ

(*) Исторія Россійскихъ Гражд. Законовъ Неволина. С. Петербургъ, 1851 г. Т. I. стр. 174—180, 221, 223.

основанія, на сочувствіи вступающихъ въ него лицъ, на свободномъ, не принужденномъ ихъ согласіи; ибо каноническія постановленія на этотъ счетъ не имѣли у насъ никакой силы. 2-е, Оно опредѣлило болѣе точнымъ образомъ и гарантировало гражданскою властію заключеніе брака, его совершеніе и прекращеніе. Вслѣдствіе этаго бракъ изъятъ изъ ежедневнаго оборота жизни, потерялъ произвольный характеръ, значеніе договора и отнынѣ разсматривается, какъ установленіе божеское и гражданское. Религія—расколъ, иновѣріе; личная сводода; физическія и умственныя способности-возрастъ, знаніе—наука, дурачество; дозволеніе родителей и начальства—однимъ словомъ всѣ важнѣйшія условія для заключенія брака пересмотрѣны и опредѣлены согласно требованіямъ тогдашняго быта.—Относительно совершенія брака были изданы узаконенія, скрѣпляющія этотъ союзъ формальными актами—метрическими книгами и разрѣшенъ вопросъ о сомнительныхъ бракахъ. Наконецъ, въ прекращенія брака былъ устраненъ доселѣ дѣйствовавшій произволъ: установлена подсудность дѣлъ о разводѣ Святѣйшему Синоду, обозначены причины разводовъ и порядокъ производства дѣлъ по нимъ. Однимъ словомъ законодательство Петра дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ исторіи нашего брака; оно устонавливаетъ его на человѣческихъ, естественныхъ началахъ и гарантируетъ его гражданскими постановленіями, въ помощь Церкви, дѣйствія которой до сего времени не могли оказывать всей своей благотворной силы.

Б. ОТНОШЕНІЯ РОДИТЕЛЕЙ КЪ ДѢТЯМЪ.

Переходя къ обзору постановленій Петра о родительской власти, мы еще яснѣе видимъ то на-

чало, которое лежало въ основаніи всѣхъ его преобразованій относительно семейнаго быта нашихъ предковъ, т. е. освобожденіе гражданской личности отъ всѣхъ неестественныхъ стѣсненій ея. Изъ описанія Котошихина и другихъ источниковъ мы уже знаемъ, что эта личность съ одной стороны совершенно терялась въ массѣ своего родства, отечества, наверху котораго стоялъ родовой его представитель, домовладыка, а съ другой—вполнѣ поглощалась властію отцовъ семействъ того времени. Значеніе родства, отечества и его вліяніе на жизнь индивида мы уже видѣли выше. Что же касается до отцовъ семействъ, то объ отношеніяхъ ихъ къ своимъ дѣтямъ и всѣмъ тѣмъ, кои за дѣтей считались, можно судить по тѣмъ правамъ, которыя отцы имѣли надъ дѣтьми. Права эти представляются въ разсматриваемое время въ слѣдующемъ объемѣ:

1. Хотя родители, собственно говоря, уже и не имѣли древняго права на жизнь и смерть своихъ дѣтей, тѣмъ не менѣе жизнь этихъ послѣднихъ почти ничѣмъ не гарантировалась отъ родителей со стороны закона. Въ то время какъ за убійство родителей Уложеніе царя Алексѣя Михайловича велитъ преступныхъ дѣтей казнити смертію безо всякія пощады (*), за убійство родителями дѣтей оно постановляетъ весьма слабое наказаніе, а именно: »*А будетъ отецъ, или мать сына или дочь убіетъ до смерти и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ*, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божіи, и у церкви божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ, *а смертію отца и матери за сы-*

(*) Улож. гл. 22, ст. 1 и 2.

на и за дочь не казнити. (*) Ясно, что убійство дѣтей не считалось преступленіемъ: это грѣхъ, за который назначалось церковное покаяніе.

2. Равнымъ образомъ и личная свобода дѣтей не была вполнѣ обезпечена; ихъ участь въ этомъ отношеніи обыкновенно изстари неразрывно связывалась съ лицомъ родителей. Вступая въ холопство или въ крестьянство отецъ записывалъ вмѣстѣ съ собою и дѣтей. (**) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича предоставляетъ отцу право отдавать себя въ голодное время съ женою и дѣтьми въ работу, за прокормъ, или съ означеніемъ въ записи, что онъ занялъ опредѣленную сумму денегъ.(***) Вообще оно предоставляетъ родителямъ право отдавать дѣтей своихъ въ работу на урочные, впрочемъ неопредѣленные годы. (****) Такъ называвшіеся вольные люди, т. е. не принадлежавшіе ни къ какому опредѣленному гражданскому сословію и обыкновенно поступавшіе въ холопство къ другимъ, имѣли по Уложенію право записывать съ собою въ холопство и своихъ дѣтей, и притомъ дѣтей менѣе 15 лѣтъ за очи, выше этаго возраста-въ личномъ ихъ присутствіи и съ написаніемъ ихъ примѣтъ. (*****)

3. Располагать участью дѣтей, т. е. избирать имъ родъ жизни, устроить ихъ судьбу по своему

(*) Улож. гл. 22 ст. 3.

(**) А. Ю. № 180, 183, 189, 191, 252.

(***) «А будетъ кто въ голодное время самъ себя съ женою или сына или дочь отдастъ кому въ работу за прокормъ, и записи на себя въ томъ дастъ, или въ записи напишетъ на себя и на дѣтей своихъ заемныя деньги и по той записи жити имъ у того, кому они въ работу далутся до тѣхъ мѣстъ, покамѣста они окупятся или отработаются». Улож. гл. 20, ст. 43.

(****) А кто отецъ или мати отдастъ кому въ работу сына или дочь на урочныя лѣта и потѣхъ своихъ дѣтяхъ ругаются,—и дадутъ на себя записи...» Тамъ же ст. 45.

(*****) А которые холопи учнутъ кому давати на себя и на дѣтей своихъ служилые кабалы, а дѣти у нихъ въ тѣ поры будутъ лѣтъ въ пятнадцать или въ двадцать и больше, а учнутъ тѣ холопи

усмотрѣнію, родителя считали своимъ кореннымъ исконнымъ и неотъемлемымъ правомъ. Они постригали дѣтей своихъ въ монашество въ слѣдствіе семейныхъ обѣтовъ, (*) всегда женили ихъ и выдавали замужъ, (**) заключали въ монастырь дочерей, не подававшихъ надежды на замужство. (***)

4. Что касается до осуществленія этихъ правъ, то въ этомъ случаѣ ни обычай, ни законъ не полагалъ никакихъ предѣловъ отеческой власти. Дѣти обязаны были безпредѣльнымъ повиновеніемъ, какъ бы жестоко ни обходились съ ними родители, а въ этой жестокости, говоря вообще, не можетъ быть сомнѣнія. Исторія наша представляетъ не одинъ примѣръ жестокаго обращенія родителей съ дѣтьми, начиная съ Преподобнаго Ѳеодосія и до того времени, о которомъ говоримъ. Мы видѣли, что Сильвестръ, давая наставленіе своему сыну на счетъ того, какъ приводить въ повиновеніе жену и дѣтей, совѣтуетъ ему тольку, «провсяку вину по уху и по видѣнью не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни посохомъ не колоть, никакимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить, потому что, кто съ сердца или

тѣхъ своихъ дѣтей въ кабалы писати съ собою за очи: и тѣхъ холопьихъ дѣтей въ кабалы и въ кабальныя книги за очи не писать, а велѣти ихъ въ кабальной запискѣ ставить на лицо, и въ кабальныя книги записывати ихъ въ рожеи и въ примѣты всѣхъ, а за очи на тѣхъ холопьихъ срослыхъ дѣтей кабаль не давати. А у которыхъ холопей въ тѣ поры, какъ они учнутъ на себя давати кабалы, дѣти будутъ въ недоросляхъ, меньше пятнадцати лѣтъ, и тѣхъ ихъ дѣтей, по ихъ сказскамъ, въ кабалы и кабальныя книги писать съ ними и за очи. Тамъ же ст. 110. Впрочемъ дѣти, рожденные до холопства, оставались въ услуженіи у тѣхъ, къ кому они поступали и вмѣстѣ съ отцомъ въ холопство не записывались. Тамъ же ст. 5.—Истор. росс. гр. законовъ Неволина Т. I, с. 324—326.

(*) См. ниже с. 101.

(**) См. выше разсказъ Котошихина.

(***) Тамъ же § 13.

кручины такъ бьетъ—много притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ и перстъ; и главоболіе и зубная болѣзнь.» Но родители независимо отъ этихъ домашнихъ мѣръ могли приносить на дѣтей и жалобы правительству, которое страшно карало непослушныхъ дѣтей. На этотъ случай Уложеніе повелѣваетъ дѣтей непослушныхъ и непочтительныхъ по жалобѣ на нихъ родителей, не входя ни въ какое разсмотрѣніе доносовъ ихъ на родителей, бить кнутомъ нещадно и приказывать имъ быть у отца и матери во всякомъ послушаніи, безъ всякаго прекословія. (*)

Въ такихъ размѣрахъ представляется намъ родительская власть во время Уложенія, законодательства отца Петра Великаго. Но какъ бы далеко ни заходила родительская, собственно говоря отеческая власть, дѣти не могли жаловаться ни на какія злоупотребленія ея; ибо законъ не только отказывалъ имъ во всякомъ удовлетвореніи, но и велѣлъ бить ихъ кнутомъ за принесеніе жалобъ на родителей. «А будетъ который сынъ или дочь, говоритъ уложеніе, учнутъ бити челомъ о судѣ на отца или на матерь, и имъ на отца и на матерь ни въ чемъ суда не давати, да ихъ же

(*) «А будетъ кто сынъ или дочь, не помня закона христіанскаго, учнетъ отцу или матери грубыя рѣчи говорити, или отца и матерь съ дерзости рукою зашибетъ, и въ томъ на нихъ отецъ или мать учнутъ бити челомъ, и такихъ забывателей закона христіанскаго за отца и матерь бити кнутомъ. Улож. гл. 22 ст. 4. А будетъ который сынъ или дочь у отца или у матери животы пограбятъ насильствомъ, или не почитаючи отца и матерь, и избываючи ихъ учнутъ на нихъ взвѣщати какія злыя дѣла, или которой сынъ или дочь отца и мать при старости не учнетъ почитати и кормити, и ссужати ихъ ничѣмъ не учнутъ, и въ томъ на нихъ отецъ или мать учнутъ Государю бити челомъ, и такимъ дѣтямъ за такія ихъ дѣла, чинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ же нещадно и приказывати имъ быть у отца и у матери во всякомъ послушаніи безъ всякаго прекословія, а извѣту ихъ не вѣрити.» Тамъ же ст. 5.

за такое челобитье бити кнутомъ, и отдати ихъ отцу и матери» (*)

Послѣ всего того, что мы знаемъ теперь объ отеческой власти, спрашивается: какое имѣли значеніе дѣти и вообще домочадцы въ допетровской Руси и неужели родительская власть могла оставаться долѣе на тѣхъ началахъ и въ тѣхъ границахъ, какъ поставила ее наша древняя, ветхозавѣтная жизнь? Отрицательный отвѣтъ слишкомъ ясенъ и необходимъ.

1. Вѣрный своему разумному пониманію семейныхъ отношеній, Петръ началъ постепенно вводить ограниченія отеческой власти, отнимая у нея одно за другимъ верховныя права. Прежде всего онъ уравнилъ въ правѣ на жизнь родителей и дѣтей, постановивши за убійство родителями дѣтей и, обратно, дѣтьми родителей одинаковое уголовное наказаніе: колесованіе или отсѣченіе головы мечемъ. 163 Артикулъ его Воинскаго устава 1716 года опредѣляетъ: «*Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчествѣ*... наглымъ образомъ (съ умысломъ) *умертвитъ онаго колесовать*, а тѣло его на колесо положить, а за прочихъ мечемъ наказывать. Если же сіе убійство, объясняетъ толкованіе на этотъ артикулъ, учиниться ненарочно, или не въ намѣреніи кого умертвить, *якобы кто хотѣлъ жену свою или дитя наказать, и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда что наказаніе легче бываетъ*; а ежели, умышленное убійство будетъ, тогда убійца имѣетъ мечемъ наказанъ быть.» (**) Жизнь дѣтей была такимъ образомъ обезпечена уголовнымъ закономъ,— и въ

(*) Улож. гл. 22 ст. 6.—Исторія росс. гражданскихъ законовъ Неволина Т. I. с. 323.

(**) Пол. Соб. Зак. Т. V. № 3006. Уст. Воин. гл. XIX. о смертномъ убійствѣ.

этомъ настояла насущная потребность въ то время, когда обращеніе съ домочадцами было такъ жестоко, что наказаніе ихъ могло простираться до убійства. Съ этаго уровня—права на жизнь-начинается съ одной стороны дальнѣйшее развитіе правоспособности дѣтей, съ другой ограниченіе власти отца семейства. Такъ,

2. Родители имѣли право отдавать своихъ дѣтей въ работы, въ служеніе на урочные годы, но на какой именно срокъ, того не опредѣлило Уложеніе. Родители по этому могли обратить дѣтей своихъ въ вѣчныхъ кабальныхъ слугъ, назначая срокъ ихъ найма на большіе сроки. Чтобы ограничить въ этомъ отношеніи злоупотребленіе родительской власти, Петръ постановилъ, какъ мы уже видѣли, что *родители могутъ дѣтей своихъ отдавать изъ найма... на три, и на четыре и на пять лѣтъ, а больше пяти лѣтъ отнюдь никому... дѣтей не отдавать* и записей и крѣпостей сверхъ этихъ урочныхъ лѣтъ не писать. (*)

3. По древнему праву участь жены и дѣтей неразлѣльно сливалась съ участію отца семейства. Это родственное единство, сліяніе личностей, влекло за собою и общую отвѣтственность, отъ которой члены семейства не совсѣмъ освободились еще и въ періодъ Уложенія. Такъ, въ гражданскомъ отношеніи, еще въ малолѣтство Петра, при совмѣстномъ царствованіи его съ братомъ, обычай простирать отвѣтственность отца на цѣлое его семейство еще не потерялъ своей силы. По челобитью женъ (вдовъ съ дѣтьми) Воложанъ состоялся 4 іюня 1688 года именной указъ, которымъ велѣно: »на вышеозначенныхъ вдовахъ и

(*) См. выше. с. 63. 2.

на дѣтяхъ ихъ, по крѣпостямъ и по выписямъ мужей ихъ, буде послѣ ихъ подлинно никакихъ пожитковъ не осталось, а они и дѣти ихъ въ тѣхъ крѣпостяхъ и кабалахъ и въ выписяхъ съ ними въ заимщикахъ, и порукою не писаны: и на нихъ суда не давать и долговъ не править и челобитенъ не подписывать» (*). Указъ этотъ состоялся по челобитью и имѣетъ значеніе только для челобитчиковъ. Изъ него ясно видно, что по общенародному убѣжденію жены и дѣти считались пока отвѣтственными за долги своихъ отцовъ, хотя бы они и не получили отъ него наслѣдства. Хотя Уложеніе и постановляетъ, что жены и дѣти за государственныя преступленія отцовъ и мужей не подлежатъ отвѣтственности уголовной (**), тѣмъ не менѣе въ силу отеческой и супружеской власти сіи послѣдніе могли требовать, и требованіе это исполнялось, чтобы въ случаѣ ихъ ссылки слѣдовало за ними и все ихъ семейство. Отсюда необходимость пояснить въ этомъ отношеніи права отца на его семейство. По этому Имяннымъ указомъ 1720 года Августа 16 было постановлено: »къ каторжнымъ невольникамъ, которые посланы на урочные годы, *женамъ ихъ и дѣтямъ* ходить невозбранно; а *которые сосланы въ вѣчную каторжную работу*, *тѣхъ женамъ*, которыя похотятъ идти замужъ, или постричься, или въ своихъ приданыхъ деревняхъ жить, и въ томъ *дать имъ полную свободу*, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно якобы умре« (***). И здѣсь опять законъ беретъ сторону подвластныхъ членовъ семейства: имъ предоставляется на волю

(*) Пол. Соб. Зак. Т. II, № 1298.
(**) Улож. гл. II, ст. 6, 7, 8.
(***) *Пол.* Собр. Зак. Т. VI. № 3628.

слѣдовать или не слѣдовать за осужденнымъ отцомъ, если онъ сосланъ на срокъ; женамъ же сосланныхъ въ вѣчную каторжную работу дозволяется свободно располагать своею участію. Конечно, изложенное постановленіе есть требованіе справедливости помимо всякихъ соображеній; тѣмъ не менѣе оно не чуждо до извѣстной степени мысли—устранить незаконное притязаніе семейныхъ властей; иначе, къ чему бы издавать подобный законъ?

4 До сего времени законодательство Петра, пересматривая нашу семейную жизнь, касалось частныхъ ея вопросовъ, на которые и давало по мѣрѣ надобности отдѣльныя постановленія. Хотя постановленія эти въ общей ихъ совокупности и достаточно указывали на общее начало, изъ котораго они исходили, тѣмъ не менѣе начало это не было высказано положительнымъ и яснымъ образомъ. Этотъ недостатокъ восполненъ капитальнымъ постановленіемъ о существѣ родительской власти въ Прибавленіи къ Духовному Регламенту 1722 г. А именно, въ 9 пунктѣ Прибавленія «о монахахъ» говорится: «*Вошло въ обычай нѣкіихъ, что родителіе младыхъ сыновъ своихъ еще прежде довольнаго ихъ разсужденія обѣщаваютъ въ монахи, а потомъ возрастныхъ увѣщаваютъ или понуждаютъ стрищися въ монашество, воспоминая имъ обѣщаніе свое, и не попуская женитися. Сей обычай душепагубный есть и чадомъ и родителемъ: ибо нужею налогаемое житіе сіе, есть бѣдство грѣховное; а родители грѣха того винòвны будутъ. И хотя чада воли родительской подлежатъ; но не какъ скоты безсловесніи въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, яковое есть избраніе житія. Наблюдати сего накрѣпко, и тако обѣщанныхъ*

и принуждаемыхъ не постригати и не прiимати (*).

Выборъ пути жизни есть и долженъ быть неотъемлемымъ правомъ человѣка. Это дѣло не совсѣмъ зависящее отъ произвола, минутнаго желанія, даже самаго того, кому предстоитъ сдѣлать этотъ выборъ; путь жизни опредѣляется прежде всего внутреннимъ призваніемъ, склонностями нашими, тою закваскою нашего организма, которую заложила въ него самая природа. Эта истина не подлежитъ сомнѣнію; пусть каждый дѣлаетъ то, для чего онъ созданъ: это предопредѣленіе Божіе, назначеніе человѣку свыше, это удѣлъ человѣка, его судьба, которою никто—ни родные, ни посторонніе намъ—не должны распоряжаться по своему усмотрѣнію, если не хотять подвергнуться страшной отвѣтственности предъ Богомъ, обществомъ и самимъ человѣкомъ, участію котораго распорядились. И въ самомъ дѣлѣ, какое имѣемъ мы право навязывать кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе существамъ намъ близкимъ, будущую судьбу? Почему мы знаемъ, что суждено человѣку? Не значитъ ли это вмѣшиваться въ предопредѣленіе Божіе, дѣлаться отвѣтственнымъ предъ нравственнымъ судомъ за совращеніе человѣка съ истиннаго его пути, предъ обществомъ за то, что лишили его полезнаго дѣятеля и наконецъ предъ лицомъ того, кому досталось по нашей винѣ всю жизнь служить на чуждомъ ему поприщѣ?

Не такъ думали наши предки допетровской Руси. По вѣковому, прародительскому заблужденію, устроить судьбу своего дѣтища по личному усмотрѣнію считалось тогда долгомъ родителей. Святая обязанность родителей—воспитать своихъ

(*) Тамъ же Т. VI, № 4022.

дѣтей, т. е. подмѣтить ихъ природныя наклонности и образовать ихъ, предоставивъ самимъ дѣтямъ избрать себѣ путь жизни—понималась въ то время слишкомъ грубо. Личность человѣческая съ ея правами на самостоятельность еще не выработалась въ общей народной массѣ; она исчезала и поглощалась въ семьѣ, томъ нравственномъ лицѣ, представителемъ правъ и обязанностей котораго былъ отецъ семейства. Личная воля каждаго недѣлимаго, каждаго члена семьи ничего не значила, если она не согласовалась съ волею цѣлаго родства. Не она во имя внутренняго призванія опредѣляла будущую участь человѣка, а совѣтъ родственниковъ, общій голосъ семьи, который и приводился въ исполненіе отцомъ семейства. Посвященіе дѣтей иноческому житію «еще прежде довольнаго разсужденія ихъ»—есть одно изъ верховныхъ правъ семьи, родства, на судьбу своего члена. Это была умилостивительная жертва за грѣхи цѣлаго родства, ибо обѣтъ постриженія дѣтей обыкновенно давался отцомъ семейства во избѣжаніе какихъ нибудь несчастій, постигшихъ семью. Въ этомъ обѣтѣ нельзя не видѣть слѣдовъ той древней общей родственной отвѣтственности, въ силу которой нѣкогда всѣ родственники отвѣчали за преступленіе одного, равно какъ и одинъ за всѣхъ. Измѣненная временемъ и мало по малу уничтожаемая, она особенно видимымъ образомъ сохранилась въ сферѣ религіозной. Присяга—дѣло совѣсти каждаго, казалось бы должна была имѣть чисто личный характеръ, а между тѣмъ и она въ періодъ уложенія считается семейною: присягать могъ сынъ за отца, братъ за брата и т. д. и не только родственникъ за родственника, но даже рабъ—холопъ за господина. Такимъ образомъ, и

совѣсть, также какъ и воля не имѣли еще личнаго значенія, какими онѣ по существу своему должны быть.

Проводя мысль освобожденія личности, дарованія ей правъ, безъ которыхъ она не можетъ успѣшно развиваться и совершенствоваться, Петръ по частному поводу посвященія дѣтей иноческому житію, осуждая «сей душепагубный, какъ для родителей, такъ и для дѣтей обычай, ибо нужлею налагаемое чадомъ житіе есть бѣдство грѣховное», постановляетъ для родительской власти, а слѣдовательно и для всей семейной жизни, новое начало. «И хотя чада воли родительской подлежатъ, говоритъ онъ, но не какъ скоты безсловесніи въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, яковое есть избраніе житія». Великая задача народной жизни, религіи и законодательства—установить семейную жизнь на такихъ нравственныхъ началахъ, при которыхъ гармонически соединяются права родителей и дѣтей, семьи и индивида— выражена въ нашемъ законодательствѣ впервые Петромъ Великимъ и выражена необыкновенно логически и разумно! Здѣсь заложенъ тотъ принципъ, изъ котораго вытекаютъ и освѣщаются не только всѣ реформы Петра въ семейномъ нашемъ бытѣ, но и подпесь развивающееся наше семейное право. Дѣти подлежатъ власти родителей, но этому повиновенію полагается предѣлъ: избраніе житія, которое требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли. Это насущное право человѣка впервые установляется у насъ закономъ положительнымъ; въ случаѣ нарушенія его дѣти могли жаловаться и получать защиту, ибо Петръ велѣлъ «наблюдати сего накрѣпко». Разсужденіе и воля дѣтей признаны, дѣти не скоты безсловесные и отсюда начинается воз-

можность самостоятельнаго развитія индивидуальной личности, которая съ этаго времени юридически освобождается отъ гнета семейной зависимости, сдавливавшей свободное ея движеніе. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, гдѣ требовались разсужденіе и воля—дѣти дѣйствуютъ, покрайней мѣрѣ могли дѣйствовать самостоятельно, согласно своимъ природнымъ наклонностямъ, своему внутреннему призванію, которое шепчетъ человѣку его назначеніе. Въ этихъ «вопросахъ жизни» родители, доселѣ неограниченные владыки, не отдѣлявшіе себя отъ дѣтей, получаютъ совѣщательное значеніе, которое они и дѣйствительно должны имѣть вслѣдствіе разумныхъ требованій нравственнаго закона. Дѣти всетаки подлежатъ власти родительской, но только не какъ скоты безсловесные. Петръ слишкомъ хорошо понималъ святость семейныхъ отношеній, а потому не только не хотѣлъ колебать сыновнее почтеніе, но, напротивъ, установляя крайніе предѣлы власти родителей, онъ съ другой стороны обусловилъ волею родителей всѣ важнѣйшіе случаи жизни дѣтей. Безъ согласія родителей дѣти не могли предпринимать ничего важнаго, рѣшительнаго въ своей жизни. Такъ въ томъ же Прибавленіи къ Духовному Регламенту онъ запрещаетъ постригать въ монашество дѣтей безъ воли родительской (*). Разсматриваемое постановленіе, поэтому, вовсе не направлено враждебно противъ нравственнаго довѣрія дѣтей къ родителямъ, ниже противъ повиновенія дѣтей родителямъ; оно устраняетъ только излишества, возстановляя естественныя права человѣка: дѣти не суть только сыновья или дочери, но прежде всего люди, существа разумныя, небезсловесныя, слѣдовательно такія, которыя

(*) О монахахъ п. 6.

могутъ и должны разсуждать, особенно тамъ, гдѣ рѣшается вопросъ о собственной ихъ участи.

5. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, въ которомъ дѣти наиболѣе были стѣснены родительскою властію, былъ въ то время бракъ. Изъ постановленій Петра о бракѣ мы видѣли, что онъ предоставилъ дѣтямъ насущное право отказываться отъ немилаго супружества. Согласіе дѣтей, о которомъ прежде не было и помину, сдѣлано теперь необходимымъ условіемъ заключенія брака. Это было важнымъ шагомъ впередъ на пути освобожденія гражданской личности: она получила право, возможность.... Но возможность далеко не дѣйствительность. Во 1-хъ, возможность эта только что начиналась: права дѣтей на свою участь только что были предоставлены имъ; они еще не привыкли владѣть, осуществлять своихъ правъ.... Во 2-хъ, дѣйствительность не разомъ потеряла свою жизненную силу: отцы не вдругъ могли отрѣшиться отъ обычныхъ своихъ убѣжденій, располагать браками дѣтей... Отсюда необходимость противодѣйствовать этой дѣйствительности законодательными мѣрами. И вотъ является окончательный указъ относительно ограниченія родительской власти, лишающій ее одного изъ древнихъ верховныхъ ея правъ:

»*Въ прошломъ 1722 году*, говоритъ Петръ, въ именномъ указѣ, данномъ Синоду 5 Января 1724 года, въ бытность нашу въ Москвѣ въ Сенатѣ, Апрѣля въ 12 день, *предлагали вы намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, и требовали на оной рѣшенія: и по оному предложенію повелѣваемъ учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы*

отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію безъ самопроизвольнаго ихъ желанія, отнюдь не принуждали и не брачили, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія; а понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзаютъ во время брака смѣло спорить, и принужденіе объявлять, одни за стыдъ, а другіе за страхъ, что уже послѣ является отъ несогласнаго тѣхъ неволею сочетанныхъ житія: того ради въ прилучающихся у знатныхъ персонъ и у шляхетства и прочихъ разночинцевъ бракахъ (кромѣ крестьянства) прежде вѣнчанія брачныхъ, *приводить родителей обоихъ совокупляющихся персонъ*, какъ отцовъ, такъ матерей, и которые въ живыхъ неимѣютъ плотскихъ родителей, то тѣхъ, которые вмѣсто родителей дѣйствительно вмѣняются, *къ присягѣ, въ томъ, что они не неволею ль сына женятъ, а другіе не неволею ль замужъ дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ ли поступаютъ;* и ежели чрезъ такую присягу ни отъ которой стороны неволи не явится, то требующихъ брака вѣнчать по церковному обычаю« (*). Присяга эта принималась отъ знатнаго дворянства въ Синодѣ, а отъ людей прочихъ званій при архіереяхъ, архимандритахъ и знатныхъ священникахъ, особо для сего опредѣленныхъ. Слуги должны были давать своимъ господамъ письма, »заруча ихъ подъ клятвою суда Божія и присяги своей, что они ихъ не неволятъ«.

Легко понять какой переворотъ долженъ былъ произвести этотъ замѣчательный указъ въ тогдашнемъ быту нашихъ предковъ! Произвольно распоряжаться не только своими дѣтьми, внуками, правнуками, но и сестрами, племянниками, однимъ

(*) Пол. Соб. Зак. Т. VII № 4406.

словомъ всѣми своими домочадцами, всѣми тѣми, которые »вмѣсто дѣтей дѣйствительно имѣлись», было неотъемлемымъ и неограниченнымъ правомъ отцовъ семействъ во всю нашу исторію (*), особенно же любимою мыслію ихъ было женить своихъ домочадцевъ. Представьте же себѣ теперь, мм. гг., что должно было произойти въ нашемъ семейномъ быту того времени, когда вдругъ разразилось надъ главою грозныхъ домовладыкъ и неограниченныхъ господъ громоносное повелѣніе Петра, чтобы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію, безъ самопроизвольнаго ихъ желанія, отнюдь не принуждали и не брачили, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія (наказанія)! Для насъ, людей 19 столѣтія, уже отвыкшихъ нѣсколько отъ необузданнаго семейнаго деспотизма, смягченныхъ образованіемъ, привыкшихъ къ нѣсколько иному образу мыслей и вѣрующихъ, что для вступающихъ въ бракъ согласіе ихъ на этотъ важнѣйшій шагъ жизни есть дѣло нелишнее, для насъ, говорю, трудно себѣ представить какъ горько, страшно потряслись сердца семейныхъ властителей, которые родились, взросли и умерли въ понятіяхъ своего времени. «Развѣ я неволенъ въ своихъ дѣтахъ и внукахъ?» грустно и съ упрекомъ сказалъ не одинъ отецъ семейства, какъ нѣкогда грозно и повелительно сказалъ это Новгородцамъ самодержавный отецъ, Іоаннъ III. Но еще убійственнѣе долженъ былъ подѣйствовать указъ этотъ на господъ, абсолютныхъ владыкъ своихъ рабовъ. Госпожа Простакова еще во времена Екатерины II не могла понять, почему бы господинъ не могъ посѣчь своего холопа, когда

(*) Исторія Рос. Гр. Зак. Неволина Т. I с. 147—150.

ему вздумается (*). Судите сами, послѣ этого, какое воспаленіе въ мозгу и чувствахъ человѣка временъ Петра должно было совершиться, когда ему объявили, что онъ лишается тѣхъ правъ, которыя считалъ дарованными ему Богомъ и самою природою. Противорѣчіе, порожденное этимъ указомъ въ духѣ современнаго ему человѣка, было тѣмъ ужаснѣе, что законъ грозилъ за ослушаніе неопредѣленнымъ тяжкимъ наказаніемъ. Понятно, что вслѣдствіе такого рѣзкаго противорѣчія указа народнымъ убѣжденіямъ, могло, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, произойти одно изъ двухъ: или законъ окажется несостоятельнымъ, останется безъ исполненія или лопнетъ, разрушится самая жизнь. На этотъ разъ законъ, какъ кажется, уступилъ жизни, тѣмъ болѣе, что онъ занесенъ былъ въ такую сферу, гдѣ принудительная его сила всего менѣе имѣетъ дѣйствія, какова сфера семейная. Мы знаемъ, что и послѣ Петра браки не были свободны отъ принужденій, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны господъ: отъ этого прародительскаго грѣха едва ли мы свободны даже и въ настоящее время. Великій Преобразователь хорошо, какъ видно, понималъ и самъ всю силу невѣжественнаго обычая; сознавалъ трудность побѣдить его одною властію закона, а потому расчитывалъ не столько на страхъ наказанія, сколько на судъ Божій. Вотъ основаніе той присяги, которой онъ подвергнулъ родителей и господъ предъ вѣнчаніемъ брачныхъ. Существо ея состояло въ томъ, что присягающій «клялся предъ Всемогущимъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ, что такой-то (сынъ его или внукъ или племянникъ, въ сыновнемъ

(*) «Недоросль», Фонъ-Визина.

лицѣ ему 'обрѣтающійся) намѣренъ вступить въ бракъ съ его позволенія, что препятствій къ этому браку нѣтъ и что онъ ни прежде не дѣлалъ, ни теперь не дѣлаетъ ему принужденія никакимъ образомъ. Клятву свою онъ оканчивалъ такъ: «ежели хотя едино что отъ вышерѣченнаго, явится когда неистинно, повиненъ я истязанію церковному и политическому. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего и подписуюся».

Указомъ о принудительныхъ бракахъ было отнято у отцовъ послѣднее изъ верховныхъ правъ ихъ на домочадцевъ. Съ этаго времени видимымъ образомъ начинается новая жизнь въ нашемъ семейномъ быту. Отеческая власть, бывшая прототипомъ власти мужа надъ женою и покрывавшая собою семью, приведена наконецъ въ ея нормальныя границы. Лицо индивида высвободилось и получило возможность жить во имя личныхъ потребностей; предъ нимъ было открыто общество и государство, которыя теперь уже требовали отъ него не породы, не родоваго дородства, а личнаго достоинства.

III. Подсудность дѣлъ семейныхъ.

Со временъ введенія у насъ христіанства вся семейная жизнь перешла въ вѣдомство Церкви. Уставы Св. Владиміра, Ярослава и другихъ князей, исчисляя предметы этого вѣдомства, предоставили суду духовенства не только семейныя дѣла въ собственномъ смыслѣ, какъ-то: отношенія супруговъ, родителей и дѣтей, покровительство вдовамъ и сирымъ, но и все то, что прямо или косвенно имѣло связь съ семействомъ. Для руководства же при разбирательствѣ этихъ дѣлъ,

духовенство въ дополненіе къ Священному писанію приняло каноническія постановленія Греческой Церкви и законы Греческихъ императоровъ, составившіе содержаніе нашихъ Кормчихъ книгъ. Но само собою разумѣется, что постановленія эти не могли вдругъ получить у насъ дѣйствительной силы: не говоря о различіи національностей, Греки и Славяне того времени въ умственномъ, нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ отстояли другъ отъ друга неизмѣримо-далеко. А народная жизнь не можетъ вдругъ перемѣнить своей субстанціи— это дѣло времени, долгаго историческаго развитія. Мы знаемъ, что христіанство у насъ долго вело борьбу съ язычествомъ, особенно въ семейномъ быту. Принятіе, слѣдовательно, христіанскихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подчиненіе народа въ дѣлахъ семейныхъ суду духовенства и постановленіямъ Греческой церкви совершалось у насъ медленно. Притомъ же не всѣ греческія постановленія и могли быть примѣнимы къ быту Славянъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что византійское право, перенесенное на чуждую ему почву, не было собственно закономъ, не имѣло непосредственно-законной силы, а скорѣе было источникомъ, изъ котораго почерпали то, что могло быть намъ пригодно,—духомъ закона, которымъ руководилось наше духовенство при разсмотрѣніи предметовъ своего вѣдомства. Въ примѣненіи, слѣдовательно, византійскаго права, или лучше заимствованныхъ изъ него постановленій, какъ каноническихъ, такъ и гражданскихъ, не могло быть ничего твердаго и опредѣленнаго, не смотря на то, что наши соборы и старались установить въ этомъ отношеніи общія начала и принять гарантирующія мѣры. Изъ частныхъ рѣшеній духовной власти видно, что все зависѣло отъ

свойства случая, народнаго на его счетъ убѣжденія и личнаго воззрѣнія той или другой духовной власти на предметъ разрѣшенія.

Между тѣмъ гражданская общественная власть въ дѣла Церкви не мѣшалась, а потому и семейный нашъ бытъ, предоставленный вполнѣ духовному вѣдомству, не получилъ отъ нея никакого опредѣленія. Если забыть постановленія Русской правды о родовой мести и наслѣдствѣ, то въ теченіи всей нашей исторіи мы не находимъ ни одного законодательнаго памятника, въ которомъ бы опредѣлялось гражданское положеніе нашего семейнаго быта. Онъ предоставленъ былъ самому себѣ и разросся, такъ сказать, слишкомъ широко, пустилъ корни за предѣлы своей сферы.... Говоря сравнительно нашъ семейный бытъ—дикое растеніе, разросшееся на тучной почвѣ и потому само себя заглушавшее и заглушившее другія сосѣднія растенія. Мы видѣли, что въ періодъ Уложенія древній родовый бытъ, или правильнѣе унаслѣдованныя отъ него кровныя начала сохраняютъ еще могущественное вліяніе: они руководили человѣкомъ во всѣхъ сферахъ его жизни-семейной, общественной и даже государственной. Семейство вошло въ общество, а общество, принявъ семейныя начала, сложилось по его прототипу. Отсюда двойственность, которая замѣтна во всѣхъ отношеніяхъ того времени: съ одной стороны человѣкъ старой Руси, разсматривая себя съ родовой точки зрѣнія, занесъ свое кровное значеніе въ сферу общественную и государственную, съ другой присвоилъ себѣ и внесъ въ домашній бытъ такія права, которыя можетъ имѣть только общество или государство. Вслѣдствіе такой неопредѣленности, смѣшенія различныхъ началъ, неразмежеванныхъ въ сознаніи пра-

вильнымъ образомъ, какъ требуютъ того самыя сферы, въ которыхъ они дѣйствуютъ, необходимо должны были рано или поздно произойти и въ дѣйствительной жизни столкновенія обоюдно-вредно дѣйствующія. Такъ дѣйствительно и было. Кровныя начала прежде всего оказали свое вредное дѣйствіе въ той сферѣ, которая болѣе другихъ чужда имъ по своему существу, а именно въ сферѣ государственной. Поэтому отсюда и началось освобожденіе отъ родовыхъ началъ. Появлявшіяся отъ времени до времени повелѣнія Московскихъ государей *»быть безъ мѣстъ«* (родовыхъ) при отправленіи государственной службы-были первымъ шагомъ въ ограниченіи дѣйствія родоваго начала. Но этихъ частныхъ постановленій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы свободить государственную сферу отъ кровныхъ притязаній. Въ царствованіе Өедора Алексѣевича вредъ отъ семейныхъ притязаній на государственную дѣятельность до того обнаружился сильно, что окрѣпла мысль объ уничтоженіи *богомерзкихъ родовыхъ разрядовъ*, на которыхъ до того времени была основана вся государственная служба. Но мало было отмѣнить старое: нужно было постановить на мѣсто стараго родоваго начала новое, которое бы соотвѣтствовало условіямъ и потребностямъ государственной сферы. Этой потребности удовлетворилъ Петръ изданіемъ *Табели о рангахъ*, которая положила въ основаніе государственной службы личное достоинство человѣка, помимо его родоваго значенія.

Такимъ образомъ область государственная была очищена отъ неправильнаго вторженія въ нее семейнаго начала. Оставалось теперь въ свою очередь очистить и сферу семейную, изъятіемъ изъ нея функцій, которыя ей не свойственны, свя-

тіемъ съ нея тѣхъ историческихъ наростовъ, которые давили въ ней индивида, стѣсняли его свободное развитіе. А для этого нужно было: вопервыхъ, уничтожить замкнутость семейнаго быта для привнесенія въ него свѣжихъ токовъ со стороны общества; во вторыхъ, установить нравственныя начала семейной жизни и опредѣлить ихъ положительнымъ закономъ, который до сего времени оставался равнодушнымъ къ гражданскому положенію нашей семьи, и въ третьихъ, опредѣливши такимъ образомъ семейный бытъ въ его внутреннемъ существѣ и въ гражданскомъ положеніи среди общества, гарантировать его правомъ судебной защиты.

Видя неестественность нашего домашняго быта и находя, что власть Церкви, которой до сего времени были предоставлены у насъ дѣла семейныя, не достаточна для полнаго установленія его, Петръ по частнымъ случаямъ, которые отъ времени до времени высказывали новыя требованія семейной жизни, началъ мало по малу давать этимъ требованіямъ законное удовлетвореніе. Такимъ образомъ имъ пересмотрѣны были всѣ семейныя отношенія въ главнѣйшихъ ихъ узлахъ—бракѣ и родительской власти. Результатомъ его законодательной дѣятельности было то, что семейство наше введено въ свои естественныя границы и получило гражданское установленіе. Сначала онъ, предоставляя церкви по прежнему совершать свое великое дѣло относительно христіанскаго одухотворенія семейныхъ понятій и отношеній, опредѣлилъ гражданскимъ закономъ нѣкоторыя стороны семейной жизни, а наконецъ Резолюціями своими на докладные пункты Синода съ большею подробностію опредѣлилъ, что именно изъ семейной жизни подлежитъ суду и разбирательству ду-

ховному и что должно подлежать суду и разбирательству свѣтской власти.

Этими резолюціями дѣла семейныя, до сего времени бывшія исключительно въ вѣдомствѣ церкви, раздѣлены теперь между свѣтскими и духовными властями такъ:

„Вины разводовъ брачныхъ, а именно:

1. Причины прелюбодѣйства, и челобитье о томъ брачныхъ другъ для друга.

2. Разсужденіе о побѣгахъ ихъ и о самовольныхъ другъ отъ друга отлучкахъ.

3. О посягнувшихъ женахъ во отсутствіе мужей за другихъ и о возвращеніи ихъ прежнимъ мужемъ.

4. Такожде и о мужахъ въ подобныхъ тому винахъ являющихся.

Резол. быть въ Синодѣ.

1. О любодѣйствѣ; 2. о блудномъ насиліи; 3. о насильномъ господей съ рабынями своими блудодѣйствѣ.

Резол. Свѣтскаго Суда.

О кровосмѣшеніи.

Резюл. Свѣтскаго Суда, токмо о важности грѣха согласіемъ Синода.

1. О насильномъ къ браку восхощеніи; 2 о дѣтяхъ прижитыхъ блудодѣйствомъ; 3 о дѣтяхъ же, которые рождаются отъ совокупившихся въ родствѣ до разлученія брачнаго ихъ союза; 4 о посяганіи и женитьбѣ дѣтей безъ воли родителей ихъ.

Резол. Свѣтскаго Суда.

1. О принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господей ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ; 2 о насильномъ постриженіи.

Резол. Въ Синодѣ.» (*)

(*) Пол. Собр. Зак. Т. VI. № 3963. Высоч. резол. на док. пун. Синода 1722 г. Апр. 12.

Этими резолюціями заключаются постановленія Петра о семейномъ бытѣ; они гарантируютъ нашу семейную жизнь—во внутреннемъ ея существѣ посредствомъ суда и разбирательства Церкви,—во внѣшнемъ же положеніи среди общества судомъ и разбирательствомъ свѣтской власти.

Мы представили въ бѣгломъ очеркѣ законодательную дѣятельность Петра Великаго въ области личнаго семейнаго права. Приводя себѣ на память послѣдующія судьбы отечественнаго законодательства, видимъ, что большая часть постановленій Петра сохранила свою жизненную силу до настоящаго времени, (*) другая—послужила основаніемъ къ дальнѣйшему развитію нашего семейнаго права и только третья, по существу своему менѣе значительная, оказалась несостоятельною предъ послѣдующею исторіею. Въ этой жизненной силѣ и плодовитости ихъ и заключается нравственное и историческое оправданіе Великаго Преобразователя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ его великомъ дѣлѣ преобразованія найдутся увлеченія, неизбѣжныя неудачи, въ которыхъ столько же виноватъ Петръ, какъ и все его время. Но спрашивается, развѣ можетъ быть непогрѣшительна дѣятельность какого бы нибыло великаго человѣка? Да и можно ли серьезно говорить о недостаткахъ въ дѣяніяхъ такихъ людей, которымъ суждено быть водителями своего народа къ новой, широкой жизни? Что значатъ частныя ошибки, когда вѣрно найденъ и указанъ истинный путь? Можно ли указывать, напримѣръ, на несостоятельный указъ 1714 года о единонаслѣдіи,

(*) Св. Зак. Рос. Им. Т. X. Кн. I.

когда мы знаемъ, что посредствомъ другихъ капитальныхъ постановленій въ области личнаго семейнаго права, онъ вызвалъ къ жизни тѣ естественныя и нравственныя начала, безъ которыхъ невозможно успѣшное развитіе человѣческой и гражданской личности. Главный вопросъ въ томъ: правильно ли установлены важнѣйшія отношенія семейной жизни, вѣрны ли начала, заложенныя въ ихъ опредѣленіе, а приложеніе этихъ началъ есть дѣло второстепенное. Ошибки въ частныхъ примѣненіяхъ скоро открыты и поправлены послѣдующимъ законодательствомъ; но скоро ли сознаны и отвергнуты тѣ историческіе наросты на нашей семейной жизни, вслѣдствіе которыхъ она душила своихъ членовъ-азіатскимъ деспотизмомъ? Да, для потомства всегда яснѣе заблужденія предковъ; не такъ очевидны для предковъ грядущія заблужденія потомковъ: пройденный путь знакомъ, а предстоящій теменъ и закрытъ.—Не нужно забывать и того „что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта, какъ сказалъ уже нашъ даровитый историкъ; (*) съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе, но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе условливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе, захожденіе не туда, куда надобно, вслѣдствіе не яснаго различія предметовъ. Величіе Петра состоитъ въ томъ, что онъ началъ великое дѣло народнаго просвѣщенія, съ юношескою силой и самоотверженіемъ, отдалъ этому дѣлу всего себя и въ силу своей геніальности, въ короткое время сдѣлалъ изумительно много, разумѣется, въ внѣшнемъ, матеріальномъ отношеніи

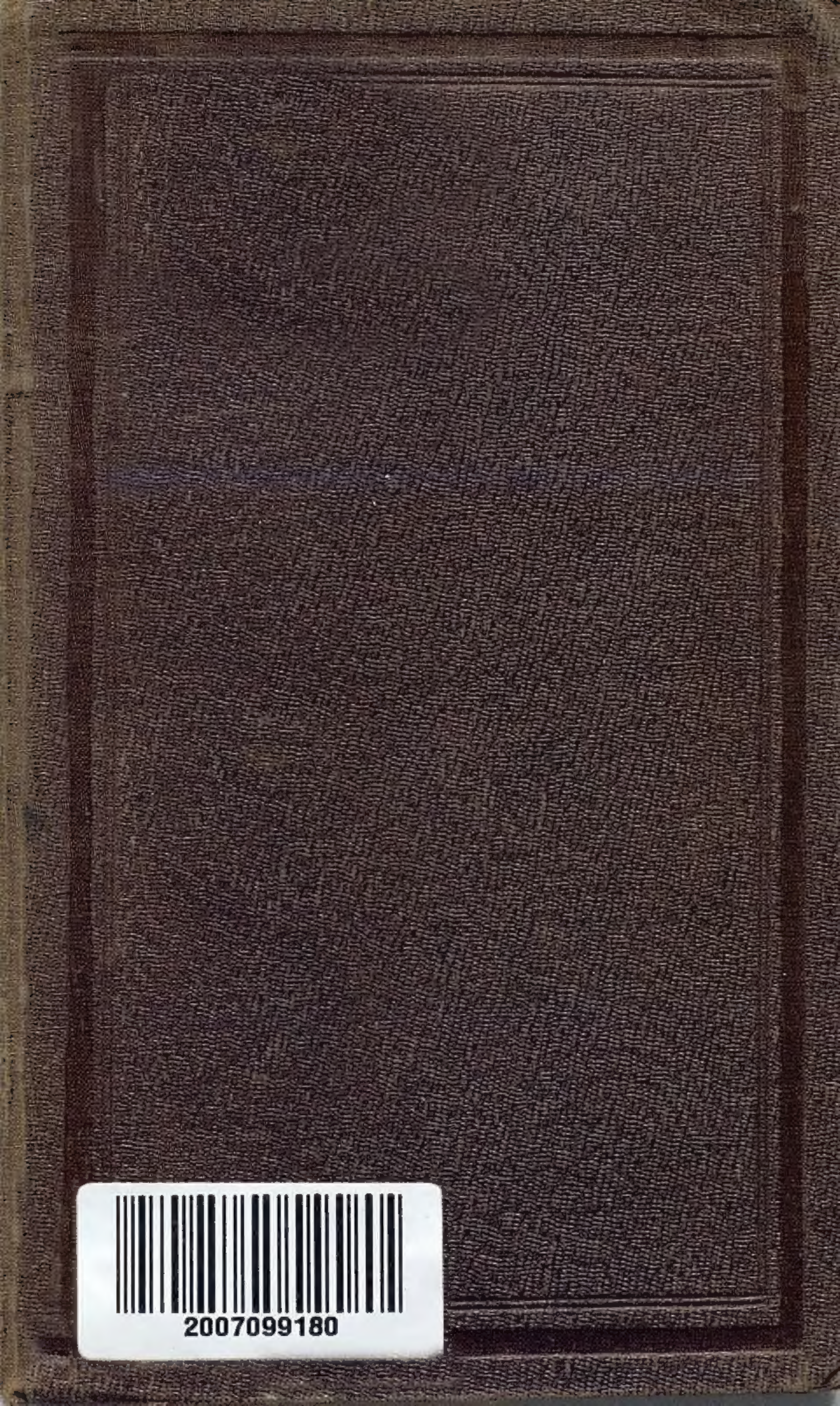
(*) Шлецеръ и анти-историческое направленіе. С. Соловьева. Русскій Вѣстникъ. Москва 1857 года Апрѣль: книжка вторая.

преимущественно, ибо его призваніе было начинать, а человѣкъ всегда и во всемъ начинаетъ съ внѣшняго.“ А если это такъ, то пусть же благодарное потомство не за будетъ его благихъ начинавій... пусть справляется съ исторіей и видитъ въ ней не то, что сдѣлано позднѣйшими ошибками нашихъ отцовъ, а то, чего хотѣлъ Петръ, къ чему стремился онъ, на что положилъ всѣ силы своей великой души... Онъ началъ... пошли же, Господи, совершеніе его начатковъ!

КОНЕЦЪ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*должно читать:*
18 Въ пр. (*)	1	людн	люди
— — — —	2	тророну	сторону
— — — —	3	спаскаго	царскаго
38 — — (***)		и бытъ Русс. народа"	„бытъ Русс. народа"
44	7	жязни	жизни
47	35	влекли	влекло
52	16	берегчи	беречи
58	5	въ	съ
60	32	указомъ	указалъ
61	7	семейства	семействъ
62	18	жизнни	жизни
66	3	зназные	знатные
—	25	предполагаютъ	предлагаютъ
—	27	(Прохиропъ)	(Прохиронъ)
71	9	побужденіе	пробужденіе
74	5	Сеятѣйшій	Святѣйшій
—	11	а	а)
77	15	и мы	а мы
83	18	мѣть	имѣть
85	34	обстоятельство	обстоятельно
86	1	кригъ	книгъ
91	6	заключепо	заключенія
—	7	воззрѣніэ	воззрѣніе
—	17—18	заключился	заключался
—	33	соравелливо	справелливо
92	14	говоръ	договоръ
95 — — (****)	2	ругаются	ручаются
104	24	принпипъ	принципъ
116	29	значать	значатъ

2007099180